

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

## РЕЛИГИОЗНЫЙ УКЛАД ЖИЗНИ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ

### Часть 5

#### РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Педер фон Хавен и К.-Р. Берк, жившие в Санкт-Петербурге в одно время (1736), описывая те или иные церковные праздники, словно дополняют друг друга. «Праздник св. Николая отмечался с большим шумом, угощением, пирами, катанием в санях и другими увеселениями. Праздники Рождества и Нового года проходят теперь с не меньшим торжеством, — пишет фон Хавен. — В Рождество принято, что различные духовные лица ходят и поют у больших и знатных господ, как прежде у нас делали школьники. Император Петр Алексеевич однажды отменил это пение, но затем оно появилось вновь и приносит священникам порядочный доход»<sup>1</sup>.

К.-Р. Берк: «В Рождество русские ходят по домам, распевая псалмы в честь новорожденного дитяти и прося одаривать их подарками. Ведь Петр Первый не запрещал им этого, но, высмеивая их алчное пение, сам тоже ходил по домам, причем самые рослые мужчины его компании должны были изображать собой подсвечники, толстяки или подагрики — скороходов и т. д.; он собирал значительные суммы денег»<sup>2</sup>.

Об этой традиции упоминает и камер-юнкер Ф.-В. Берхгольц, который в своем дневнике под 25 декабря 1723 года записал сходные сведения: «Так как в первый день Рождества Христова русские певчие Их Величеств имеют обыкновение ходить к вельможам с вокальной музыкой и поздравлением, то они тотчас после обеда явились и к нашему двору в числе сорока человек»<sup>3</sup>.

В 1740 году из Камерцалмейстерской канторы в Синод был направлен запрос о том, какие певчие «славили Христа» в доме Его Величества в праздник Рождества. Синод отвечал, что неизвестно, кто из множества петербургских певчих славил, но в этом году в Петербурге находились, кроме 12 синодальных певчих, певчие Новгородского архи-

---

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

<sup>1</sup> Хавен Педер фон. Путешествие в Россию // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 331.

<sup>2</sup> Берк Карл Рейнгольд. Путевые заметки о России // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 124.

<sup>3</sup> Дневник камер-юнкера Берхгольца. 1721–1725 годы. Ч. III. М., 1862. С. 186.

ерея — 12 человек, Псковского — 2, Суздальского — 4, Вологодского — 6, Коломенского — 7, Архангельского — 11 и Воронежского — 17 человек<sup>4</sup>.

В 1821 году на столбцах «Санкт-Петербургских ведомостей» было помещено следующее объявление: «Желающие видеть у себя на дому вертеп, благоволят дать знать у Харламова моста, в доме вдовы священника Герасимова, Александру Колосову»<sup>5</sup>.

И не в одной квартире Петербурга, в полутемной зале, едва освещенной мигающими сальными свечами, около небольшого ящика, верх которого был сведен конем и украшен резьбой, а стены снаружи были оклеены лубочными картинами, изображающими «различные возрасты жизни человеческой», толпился и млад и стар... Появлялись царь Ирод в синей куртке, красных штанах, с короной на голове и обнаженным мечом в руке, и два белых ангела, и рыдающая о своих детях Рахиль, и лютая смерть с косою, и страшный черт. И слышалась речитативом песнь пастушка, пригнавшего овец к вифлеемской пещере:

Нова радость стала.  
Ярко в небе хвала,  
Над вертепом звезда ясна.  
Светом воссияла.  
Пастушки идут с ягнятками,  
Перед малым дитятком  
На колени упали,  
Христа прославляли:  
Молил, просил Христе Царю,  
Небесный Государю,  
Даруй лето счастливое  
Всему Господину!<sup>6</sup>

Как видим, иностранные авторы уделяли внимание не самому празднику Рождества Христова, а сопутствующим ему колядкам и прочим фольклорным развлечениям. Вполне понятно, что большой интерес вызывали у иностранцев те церковные праздники, которые сопровождались внешними эффектными чинопоследованиями, к числу которых относится чин водосвятия.

### Водосвятный молебен

Одним из самых ярких впечатлений, которые получали иностранные гости в Петербурге, был чин водосвятия, ежегодно совершавшийся 6 января (ст. ст.), в день праздника Богоявления. В записках шотландского медика Джона Кука (в Санкт-Петербурге жил в 1736—1737 и 1741 годах) есть такие строки: «У исповедующих греческое вероучение много церковных праздников. Полагаю, у них есть по крайней мере по одному святому на каждый день в году. Но вместе с тем много очень строгих долгих постов, которые, если их сложить, составят почти половину года. Есть также исповеди на ухо священнику, молебны и молитвы к святым. Все стены их церквей увешаны изображениями святых, и некоторые церкви чрезвычайно богаты. Русские используют окуривание и святую воду, [есть] соборование, паспорта для мертвых и заупокойные молитвы

<sup>4</sup> РГИА. Ф. 796. Оп. 22. Д. 203.

<sup>5</sup> Столпянский П. Музыка и музицирование в старом Петербурге. Л., 1989. С. 194.

<sup>6</sup> Там же,

для вызволения мертвых из чистилища. Есть много других церемоний, которых я не помню, но погребение Иисуса Христа и **освящение воды** наиболее примечательны»<sup>7</sup>.

Едва ли не первое описание чина водосвятия на Неве принадлежит неизвестному автору, присутствовавшему в Петербурге в день этого торжества зимой 1710—1711 годов. «В сказанный праздник в их церквах с раннего утра начался учащенный благовест, и божественная служба была совершена с особенным благоговением, — пишет он. — Между тем на Неве-реке, покрытой толстым слоем льда, был поставлен, насупротив крепости, полк пехоты в виде большого каре, а посредине занятого им пространства было вырублено во льду, еще накануне, большое четверугольное отверстие, окруженное решеткой на возвышенном рундуке. Над этим рундуком, который был обтянут алым сукном, возвышалась дощатая, крестообразной формы сень, а под нею висел на ленте деревянный голубь, изображавший, по всему вероятию, Святого Духа; внизу же у проруби стоял стол, или алтарь, для предстоявшей церемонии. По окончании богослужения в крепостной церкви все духовенство вышло оттуда в полном облачении и в сопровождении царя, министров и нескольких тысяч человек свиты и простонародья направилось к упомянутому рундуку, где по пропетии нескольких молитв первенствующий архимандрит совершил водосвятие, после чего окропил предстоявших, которым также подавалась вода в особых сосудах и для испития; в продолжение церемонии палили из пушек с крепости, и бывшее в строю войско стреляло из ружей»<sup>8</sup>.

Новые подробности о чине водосвятия можно почерпнуть из записок герцога Лирийского и Бервикского (Хосе де Лириа. — *Авт.*), составленных во время его пребывания в Петербурге в 1727—1730 годах в качестве посла испанского короля. «17-го числа наступило Рождество по старому стилю, в этот день по русскому обычаю благословляют воды реки, и происходит это следующим образом, — пишет герцог де Лириа. — Гвардия и боевой гарнизон Петербурга выстроились на льду, на реке соорудили арку, а под ней колодец с несколькими ступенями, так чтобы можно было спуститься к проточной воде. Его Величество (Петр II. — *Авт.*) вышел из дворца в одиннадцать часов и впервые встал во главе гвардейского Преображенского полка, полковником которого он является; царь направился в церковь Троицы и слушал там мессу, которую служили архиепископ Коломенский и еще два епископа. По окончании мессы царь снова занял место во главе полка с эспонтоном<sup>9</sup> в руке; процессия военных и духовенства двинулась к месту, выбранному для благословения воды. Обряд исполнял тот же архиепископ Коломенский, после этого устроили ружейный и пушечный салют, а потом царь прошагал впереди своего полка во дворец. Я присутствовал при всех церемониях, по приказу царя меня всюду сопровождал один из его офицеров, и я был единственным иностранным посланником, проделавшим вместе с царем весь путь до дворца.

Русские считают, что, омывшись в этих освященных водах, они очищаются от всех своих грехов, и раньше люди — и мужчины, и женщины — бросались в полынью абсолютно голыми, прямо в присутствии царя; но теперь этот обычай исчез, только вечером здесь совершают омовения. Знатные горожане приносят эту воду в свои дома и хранят как священную реликвию»<sup>10</sup>.

<sup>7</sup> Кук Джон. Путешествия и странствия по Российской империи, Татарии и части Персидского царства // Беспятовых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 409—410.

<sup>8</sup> Описание Санкт-Петербурга и Кроншлота в 1710 и 1711 годах. СПб., 1860. С. 105—106.

<sup>9</sup> Эспонтон или еспантон — широкое плоское копые на длинном древке. В XVIII веке было на вооружении в большинстве европейских государств, в том числе и в России (с 1762 года).

<sup>10</sup> Лириа де герцог. Дневник путешествия в Московию // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 30. См. также: Герцог Лирийский. Записки о пребывании при императорском российском дворе в звании посла короля испанского // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989. С. 201.

Надолго запомнилось торжественное чинопоследование и Педеру фон Хавену, присутствовавшему при водосвятии зимой 1736—1737 годов. «Самым большим был праздник Крещения, — пишет датский автор. — В этот день святится вся вода в России. Русские отмечают сей праздник в память о крещении Христа и об Иоанне Крестителе. Они полагают, что Христос был в этот день крещен, и поэтому ввели такое освящение воды»<sup>11</sup>.

Продолжим повествование фон Хавена: «Как только в 11 часов закончилась утренняя церковная служба, императрица (Анна Иоанновна. — *Авт.*) со знатнейшими придворными и большим числом высших священников вышла из церкви, направляясь к сооруженному на реке Неве *theatrum*'у, так плотно обнесенному столбами, что его сквозь них трудно было рассмотреть, — пишет он. — Высокий епископ произнес там краткую речь перед присутствующими, затем совершил освящение, сопровождаемое немногими обычными обрядами. Как только это кончилось, выстрелили пушки, расставленные вокруг крепости. Каре из 6 полков, или 10—11 тысяч человек, и стоявшая на реке Неве вокруг *theatrum*'а в карауле пешая гвардия также салютовали троекратным залпом. Тем временем императрица прежней процессией направилась в свой дворец. После освящения можно было видеть, как священники крестили на Неве множество новорожденных. Другие, молодые и старые, обнаженными прыгали в ледяную воду; два стоявших над прорубью парня их сразу вытаскивали обратно. Кроме того, некоторые люди черпали из реки воду и тут же ее выпивали или уносили домой, чтобы сохранить. Из всего этого надо заключить, что русское простонародье считает воду в этот день более святой, чем в другие»<sup>12</sup>.

Англичанка Элизабет Джастис добавляет к этому описанию ряд живописных деталей. Как отмечает она в своих записках, «наблюдения убедили меня, что вера у русских очень велика: на двенадцатый день священник освящает воду, на льду для этого воздвигается постройка вокруг проруби, и отовсюду сходятся люди, часто — чтобы окунуть своих детей в эту холодную стихию, хотя при такой церемонии некоторые тонут. Однако русские мало или вовсе не принимают это во внимание и утешают себя словами: они ушли ко Всемогущему Богу! Очень многие, как старые, так и молодые, приходят с кувшинами и бутылками, дабы набрать этой святой воды. Ибо если и она их не исцелит, они никогда уже не ищут иного лечения. По окончании церемонии появляется большая бадья, покрытая малиновым бархатом с золотым шитьем и длинной бахромой; бадью тащит шестерка прекрасных лошадей, украшенных лентами; ее наполняют водой для конюшни Ее Величества»<sup>13</sup>.

Хотя иностранные авторы описывают одно и то же чинопоследование водосвятия, они по-разному воспринимали происходящее: сопоставление их наблюдений позволяет составить более полную картину об этой, к сожалению, утраченной традиции. Можно сравнить повествования датского публициста и английской гувернантки с тем, как описывает это действие английский врач Дж. Кук, присутствовавший на «Иордани» в 1737 году. По словам этого англичанина, «во льду проделана квадратная прорубь, каждая сторона которой длиной примерно шесть футов; около нее постлано много ковров наподобие пола, огороженных вокруг кольями, чтобы не подпускать толпу. Сверху устроен полог. По окончании службы духовенство выходит из главной церкви и образует процессию, следуя друг за другом соответственно сану, и идут по четыре или

<sup>11</sup> Хавен Педер фон. Путешествие в Россию // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 331.

<sup>12</sup> Цит. по: Беспятых Ю. Н., Сухачев Н. Л. Петербургский быт в России XVIII века // Петербург и губерния. Л., 1989. С. 63. См. также: Хавен Педер фон. Путешествие в Россию // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 331—332.

<sup>13</sup> Джастис Э. Три года в Петербурге // Нева, 1988, № 5. С. 203.

пять в ряд, всего числом в несколько сот человек. Идущие несут большую хоругвь, большой фонарь и большое изображение нашего Спасителя или какого-то святого. Они шествуют в таком порядке, сопровождаемые знатными и простыми людьми, и весь путь до реки поют молитвы. Священники вступают за ограду всего с несколькими знатными людьми и там совершают другие части церемонии. Когда находят, что вода достаточно освящена, подается сигнал 1200 гвардейцам, которые окружают все это тремя рядами и тут же дают частые залпы, повторяемые трижды; затем стреляют большие пушки с крепости, и также троекратно салютуют около 300 орудий. Так заканчивается эта церемония, совершаемая почти одинаково по всей России»<sup>14</sup>.

Так завершает английский врач повествование об этом чинопоследовании. Но далее он как профессионал не мог не высказать свои суждения по поводу того, что ему довелось видеть после завершения собственно церковной части этого действия. С недоумением, присущим западноевропейскому протестанту, он продолжает: «Много больных фанатиков приходит, чтобы окунуться в эту святую воду, стремясь избавиться от своих недугов, и действительно многие из них достигают желаемого, но не так, как хотели. То есть их убивает холод, ибо церемония совершается в середине зимы. Многие невежественные глупцы несут своих детей, в том числе новорожденных, чтобы их окунуть. Детей передают священникам, которые трижды погружают их в воду с головой. Некоторые захлебываются, некоторые выскальзывают из рук священника, и течением их затягивает под лед. Когда такое случается, говорят: „Бог взял их к себе“. Но еще больше умирает от холода»<sup>15</sup>.

Из всех иностранных авторов, описывавших чин водоосвящения, наиболее полный «отчет» составил К.-Р. Берк. Он пробыл в Санкт-Петербурге полгода — с 1735-го по 1736 год. Таким образом, он присутствовал на «Иордани» в январе 1736 года. Свое пространное изложение праздника шведский ученый предваряет небольшим пояснением: «Тринадцатый день Рождества, то есть 6 января, является примечательнейшим днем сего святого действия, и не только в С.-Петербурге, но и во всех русских городах и весях, через которые протекают реки. Это делается в память Крещения Христова, а на следующий день, 7 января, в церквах празднуется крещение Иоанна, но без особенной торжественности. Во время моего пребывания в этом городе я имел случай наблюдать зимнюю церемонию»<sup>16</sup>. Далее следует скрупулезное описание самого чинопоследования; слово К.-Р. Берку.

В 9 часов утра все четыре гвардейских полка, пройдя торжественным маршем мимо дворца Ее В-ва, спустились на реку Неву, где вместе с прибывшим с Петербургского острова Ингерманландским [полком] выстроились в каре. В его середине перед императорским двором была возведена иордань — строение, в котором должен был состояться обряд. Оно было из тонких досок, восьмиугольное и на все стороны открытое. Крыша куполом, но не сплошная, а решетчатая. На самом верху стояла скульптура Иоанна, на карнизах сидели восемь ангелов, а также между ними было четыре картины, представлявшие крещение Христа и Иоанна, всемирный потоп и Красное море. Вокруг этого строения шла балюстрада, на ней тоже стояли маленькие ангелы. Внутри под крышей висело сияющее солнце, а под ним над самой прорубью — голубь.

Прорубь, или отверстие, была четырехугольной, и сделанный по ней большой ящик опущен на веревке несколько ниже поверхности воды. Имелось также несколько ступенек, по которым спускались к этому ящику, так как сама иордань была по-

<sup>14</sup> Цит. по: Беспятых Ю. Н., Сухачев Н. Л. Указ. соч. С. 60.

<sup>15</sup> Там же. С. 60—61.

<sup>16</sup> Берк Карл Рейнхольд. Путевые заметки о России // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 125—126.

строена не прямо на льду, а стояла на толстых бревнах, лежавших друг на друге до высоты локтя в два. Рядом со строением стояло еще два других, но меньших и со всех сторон закрытых; в них ее в-во и принцессы могли присутствовать при этом действе, коль скоро пожелают. Все скульптуры на вышеназванных постройках были позолочены, дерево мраморировано, а пол выстлан красным сукном.

Новгородский архиерей<sup>17</sup> с получением известия, что полки выстроились, начал шествие от своего дома. Впереди шли два священника, несшие маленькие раздвоенные флаги, подобные нашим торговым. За ними по двое и по трое в ряд следовало в наилучших облачениях все петербургское духовенство. Перед архиепископом шли четыре священника с длинными зажженными восковыми свечами и еще два, несшие нечто вроде герольдовских скипетров или архиепископских знаков отличия. Они выточены из черного дерева и на конце имеют позолоченную жезл, вырезанную в виде солнца (лишь лучи заключены в круг), в центре которого выгравированы головы ангелов. Архиепископ с сопровождавшими его прелатами и архимандритами завершали процессию, все облаченные в одежды своего сана. Это облачение несколько отличается от одежд латинской Церкви, но очень богато золотым и жемчужным шитьем. Головные уборы не имеют двух торчащих рогов, как митры католических епископов, а похожи на высокие тульи шляп с узкой горностаевой оторочкой.

Когда вся эта группа духовенства, достигавшая, пожалуй, 150 человек, подошла к иордани, прочли несколько молитв и совершили окуривание (каждение. — *Авт.*) над водой. Затем был совершен обряд ее освящения посредством погружения креста, который держал в руке архиепископ. Тотчас был подан знак вынести вперед знамена на всех присутствовавших полков; знамена поставили у углов, или входов, строения и крестообразно окропили освященной водой. Когда церемония на льду таким образом завершилась, был произведен тройной залп с крепости, с Адмиралтейства, из двадцати установленных на льду орудий, и все полки стреляли беглым огнем.

Между тем архиепископ с прелатами удалились наверх к двору, а с ними лишь оба их пастыря и два священника, несшие серебряный котел, заполненный освященной водой. Ее в-во и принцессы были ею окроплены и потом поцеловали крест. Исполнив это, все прелаты отправились вниз, соединились с оставшимся на льду духовенством и прошествовали обратно в том же порядке, в каком пришли.

С того самого мгновения, как освятили знамена, народ устремился за этой благотворной водой. Двое придворных слуг отнесли воду в двух позолоченных серебряных кувшинах для благочестивых при Дворе. Ее наверняка оказалось достаточно, ведь всему штату конюшни и — прошу заметить — всем лошадям Ее В-ва не требовалось больше, чем полная лохань, которую, покрыв красным сукном, весьма торжественно везли в санях, запряженных шестеркой лошадей и при двух фореиторах. Поначалу я принял за шутку разговоры о святой воде для лошадей, но придворный шталмейстер Финк, стоявший рядом со мной во дворце и наблюдавший эту церемонию, уверил меня, что русские конюхи действительно дают ее больным лошадям.

Невероятное множество народа протискивалось к проруби, чтобы унести домой воды или хотя бы умыться ею. Эта суэта после ухода солдат продолжалась еще целый день. Я видел матерей, привозивших на санках маленьких больных детей и окроплявших их у самой проруби, но не заметил ни одного, кто бы нагишом прыгнул в воду, хотя подобное едва ли бы оказалось в этот день чем-то необычным<sup>18</sup>.

В истории России был один эпизод, в котором фигурировали две Анны: Анна Иоанновна и Анна Леопольдовна. Анна Леопольдовна, правительница Российской империи (1740—1741), дочь герцога Мекленбург-Шверинского Карла Леопольда и Екатерины Ивановны, старшей сестры императрицы Анны Иоанновны (1730—1740); до принятия православия — Елизавета-Екатерина-Христина. Она была привезена в Россию в 1722 го-

<sup>17</sup> Феофан (Элеазар) Прокопович (1681—1736), русский церковный и политический деятель.

<sup>18</sup> Берк К.-Р. Указ. соч. С. 126—127.

ду, взята на воспитание императрицей Анной, в 1739 году выдана замуж за принца Брауншвейг-Люнебургского Антона Ульриха. 5 октября 1740 года ее сын, младенец Иван, был определен императрицей Анной наследником российского престола. 17 октября 1740 года он «вступил на престол», регентом был назначен Бирон. Вскоре противники Бирона (фельдмаршал Миних и др.) свергли его и провозгласили Анну Леопольдовну правительницей<sup>19</sup>. Это не понравилось дочери Петра I — Елизавете Петровне, и дальнейшие события чуть было не омрачили торжество водосвятия 1742 года, о чем пишет Кристоф Манштейн: «Царевна Елизавета, хотя и не была совсем довольна во время царствования императрицы Анны, оставалась, однако, спокойной до тех пор, пока не состоялось бракосочетание принца Антона Ульриха с принцессой Анной; тогда она сделала несколько попыток образовать свою партию, — сообщает немецкий автор. — После кончины императрицы и когда Бирон был арестован, она стала думать об этом серьезнее»<sup>20</sup>.

«Царевна твердо решила вступить на престол, но вместо того, чтобы поспешить с исполнением, находила, постоянно предлагая откладывать решительные меры еще на некоторое время, — продолжает Манштейн. — Последним ее решением было не предпринимать ничего до 6 января (по старому стилю), **праздника св. Крещения**, когда для всех полков, стоящих в Петербурге, бывает парад на льду реки Невы. Она хотела стать тогда во главе Преображенского полка и обратиться к нему с речью; так как она имела в нем преданных ей людей, то надеялась, что и другие не замедлят присоединиться к ним, и когда весь этот полк объявит себя на ее стороне, то остальные войска не затруднятся последовать за ним.

Этот проект, разумеется, не удался бы или, по крайней мере, вызвал бы большое кровопролитие. К счастью для нее, она была вынуждена ускорить это предприятие; многие причины побудили ее принять окончательное решение. Во-первых, она узнала, что великая княгиня решила объявить себя императрицей. Все лица, приверженные к царевне Елизавете, советовали ей не дожидаться осуществления этого намерения и представляли, что она встретит тогда больше затруднений и что даже все ее меры могли провалиться»<sup>21</sup>. 25 ноября 1741 года Анна Леопольдовна была низложена Елизаветой с помощью офицеров Преображенского полка и вместе с семейством отправлена в ссылку...

Теперь посмотрим, что пишет о чине водосвящения шведский автор — граф Гордт. Будучи лютеранином, он воспринял это действие как «церемонию освящения полковых знамен, что обыкновенно бывает в царские дни». Из приводимых далее строк становится ясным, как на страницах книг иностранных авторов, писавших о России, появляются разные искажения и несуразности. Итак, чин водосвящения — глазами профессионального военного; время действия — начало 1760-х годов, а точнее — январь 1762 года, поскольку в тексте упоминаются *государь* и *государыня*, то есть Петр III и Екатерина (еще не императрица)

«Все войска были в строю, — пишет граф. — Государь, верхом на лошади, находился впереди первого гвардейского полка. Государыня, предшествуемая духовными лицами в числе до двухсот человек, шла пешком со всем двором до самого берега Невы, где на льду обыкновенно выстраивается для этой церемонии особое здание. От каждого полка были отряжены знамена с барабанщиками и полковой музыкой. Затем духовенство начало священную службу, а митрополит освятил знамена, погружая каждое из них в реку. Из крепости и Адмиралтейства было сделано триста пушечных выстрелов, а полки произвели тройной ружейный залп. По окончании церемонии государыня

<sup>19</sup> Малый энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз—Ефрон. Т. 1. СПб., 1907. С. 167—168.

<sup>20</sup> Манштейн Кристоф. Записки о России. Ростов-на-Дону, 1998. С. 297.

<sup>21</sup> Там же. С. 299.

возвратилась со всей свитой во дворец, а государь, оставаясь впереди первого гвардейского батальона, прошел церемониальным маршем со всеми полками»<sup>22</sup>.

Впрочем, не стоит винить шведа-лютеранина за его ошибку. Ведь во время подготовки к празднеству на Неве против здания Сената воздвигалась «Иордань», и от самого Зимнего дворца, через Александровскую и Адмиралтейскую площади тянулся деревянный помост, покрытый красным сукном вплоть до самой «Иордани». Вдоль помоста, а также в начале Невского проспекта и обеих Морских улиц рядами выстраивались войска; общим числом собиралось здесь до 40 000 человек. И неудивительно, что шведский автор не увидел «за многолюдностью» суть торжества, тем более что после церемонии освящения воды в «Иордани» святой водой действительно кропились знамена присутствовавших полков<sup>23</sup>.

28 июня (9 июля) 1762 года в результате переворота Петр III был низложен; 22 сентября (3 октября) 1762 года Екатерина II была коронована в Москве, и в начале следующего года она присутствовала в Санкт-Петербурге при водосвятии, о чем пишет датский посланник Гакстаузен: «Третьего дня, в день Крещения по старому стилю, с большой торжественностью был исполнен обряд, составляющий часть культа Греческой Церкви и совершаемый ежегодно. Обряд этот заключался в том, что на реке было совершено освящение воды и затем святой водой были окроплены полковые знамена и штандарты. Совершал церемонию и священнодействовал архиепископ Новгородский. Присутствовавшая при совершении этого религиозного акта, императрица, находясь среди духовенства и других лиц, причастных обряду, направилась пешком, в сопровождении всего двора и многих городских дам, от дворца к прилегающему к нему каналу, рукаву Невы<sup>24</sup>, на льду этого канала находился, устроенный для этой цели, павильон, где императрица и оставалась все время совершения обряда. В то мгновение, когда архиепископ освятил воду, раздался пушечный салют; по освящении воды, он дал отпить ее императрице, при чем раздался троекратный ружейный салют, произведенный войском, расположенным рядами по обеим сторонам канала»<sup>25</sup>.

Еще одна неточность содержится в записках английского автора — Уильяма Ричардсона. В своем сообщении об освящении воды (Санкт-Петербург, 7 января 1771 года) он ошибся: за Мойку он принял ров вокруг Адмиралтейства. Тем не менее в целом его описание довольно верное и представляет большой интерес.

«Одна из самых великолепных церемоний Греческой Церкви, которая, как кажется в основном и привлекает внимание иностранцев, — это освящение воды, — пишет Уильям Ричардсон. — Оно осуществляется дважды в год, но самое роскошное представление этой церемонии происходит на 6 января и проводится в память о крещении нашего Спасителя. Так как я вчера был на этом торжестве, приведу некоторые детали тех действий, которые показались мне наиболее интересными.

Павильон, поддерживаемый восемью опорами, под которым осуществлялась основная часть церемонии, был возведен на Мойке, ручье, который впадает в Неву между Зимним дворцом и Адмиралтейством. Сверху [над сводом] находилась позолоченная фигура св. Иоанна, на сторонах — изображения нашего Спасителя, представленного в разных ситуациях, и внутри прямо над отверстием, прорубленном во льду, была

<sup>22</sup> Плен графа Гордта в России (1759—1762) // Русский архив, 1877. Кн. 2, № 5—8. С. 317.

<sup>23</sup> Северцев Г. Т. (Полилов). С.-Петербург в начале XIX века // Исторический вестник, 1903. Т. 92, май. С. 635.

<sup>24</sup> Мойка. Дворец находился в то время на углу Мойки и Невского проспекта, если лицом стать к Адмиралтейству, по левой руке перейдя Полицейский мост.

<sup>25</sup> Донесения датского посланника Гакстаузена о царствовании Петра III и перевороте 1762 года // Русская старина, 1915, № 2. С. 280.

подвешена фигура голубки. Павильон был окружен временной изгородью из еловых стволов, и таким же образом, по обеим сторонам, был защищен широкий путь от дворца. Этот проход, по которому шествовала процессия, был покрыт красной материей. Вдоль берегов реки и прилегающих улиц в линию стояли солдаты. Мойка в честь такого события, отмеченная этим торжеством, на 6 января всегда удостоивается наименования реки Иордана.

По случаю нынешнего события богослужение вел архиепископ Новгородский, а первая часть богослужения совершалась в императорской часовне. Затем процессия перешла по вышеназванному проходу к сегодняшнему Иордану. Она состояла из музыкантов, низших священников с их обычным несением свечей, стягов, в высоких митрах и широких одеяниях. Они встали в ряд в павильоне, и вскоре к ним подошла другая процессия императорского дворца и фамилий, выбранных, чтобы присутствовать на этом торжестве. Что касается императрицы, то по причине недомогания она отсутствовала. Никакой выход священников и левитов<sup>26</sup> даже во времена Соломона вдоль реки Шайло<sup>27</sup> не мог быть таким великолепным. После того, как обряд был совершен с обычными молитвами и гимнами, все присутствовавшие имели счастье быть окропленными водой, освященной и ставшей святой. Штандарты армии и артиллерии получили такое же освящение, и обряд был завершен тройным салютом из мушкетов <...>

Все дети, крещенные водой из освященного отверстия, получают особые выгоды. Даже рискуя жизнью своих детей, родители страстно желают не упустить благословенную возможность. Я слышал, как один священник, погружая ребенка для крещения, — а здесь окунают все тело, — по невнимательности выпустил его из рук. Ребенок утонул, но святой муж не ужаснулся. „Дайте мне другого, — сказал он спокойным голосом, — ибо Господь взял этого к себе“. Императрица, однако, имеет иные планы на своих подданных и не желает, чтобы Господь забирал их таким образом, по крайней мере, она издала указы, чтобы всех детей, которых крестят в Иордане, впредь опускали в корзины»<sup>28</sup>.

В отличие от прочих авторов, описывавших торжества праздника Богоявления, Генриетта Каролина Гессен-Дармштадтская (1721—1774) сообщает о водосвятии в праздник Происхождения Честных древ. Иордань по этому случаю была устроена на берегу царскосельского пруда. «Церемония освящения воды происходит на берегу реки, но поскольку здесь таковой нет, то ее проводят на берегу пруда, — пишет Генриетта Каролина. — Крест погружают в емкость или вазу с водой; отец Платон, присутствовавший в качестве зрителя, сказал мне, что этот праздник был установлен греческим императором, а российский великий князь учредил его в память битв, случившихся в этот же день, и что это был праздник больше политический, нежели церковный»<sup>29</sup>.

Совмещение двух разных чинопоследований — водосвятного молебна и освящения знамен — находим в записках француза Пикара, долго жившего в Петербурге; он был приглашен на должность гувернера для князя Александра Борисовича Куракина. По воспитанию молодого князя он оставался в его семье на правах домочадца. Во время пребывания А. Б. Куракина за границей в 1781—1782 годы Пикар сообщал ему из Петербурга обо всех государственных и общественных новостях. В январе 1782 го-

<sup>26</sup> Левит — священнослужитель низшего духовного сана у древних евреев

<sup>27</sup> Возможная отсылка к сражению при Шайло (англ. Battle of Shiloh): крупное сражение Гражданской войны в США, происшедшее 6 апреля и 7 апреля 1862 года на берегах реки Теннесси, у местечка Шайло, что в переводе с древнееврейского означает «мирное место».

<sup>28</sup> Уильям Ричардсон. Сообщение об освящении воды. СПб., 7 января 1771 г. Цит. по: Екатерининский Петербург глазами иностранцев. Неизданные письма 1770-х годов. СПб., 2013. С. 89—93.

<sup>29</sup> Генриетта Каролина Гессен-Дармштадтская. Царское Село. 12 августа н. ст. 1773 г. Цит. по: Екатерининский Петербург глазами иностранцев. Неизданные письма 1770-х годов. СПб., 2013. С. 184.

да он пишет князю: «В четверг на Адмиралтейском канале совершилось освящение знамен»<sup>30</sup>.

Как видим, Пикар воспринимал водосвятный молебен так же, как и граф Гордт. По поводу этой церемонии в камер-фурьерском журнале под 6 января 1782 года говорится следующее: «По прибытии духовной процессии (в которой на этот раз участвовали с Гавриилом Иннокентий Псковский и Серафим, митрополит греческий) на „Иордань“, сделанную на Адмиралтейском канале, чинено, водоосвящение, и при погружении креста производилась с Адмиралтейской крепости пушечная пальба, а потом принесенные от полков штандарты и знамена окропляемы были святою водою»<sup>31</sup>.

А теперь снова предоставим слово специалисту, но уже в церковной сфере. Речь пойдет о книге француза Абеля Бурья, прибывшего в Россию в 1777 году, получившего место воспитателя в кадетском корпусе и в феврале 1779 году ставшего пастором французской реформатской церкви. Пастор Абель присутствовал на торжестве водосвятия не в качестве простого зеваки, а вполне официально; по его словам, «на это празднество в последние годы (1770-е. — *Авт.*) приглашаются священники всех религий»<sup>32</sup>.

Вот что пишет французский пастор о самом чине водосвятия: «В день Богоявления на льду рядом с берегом устраивается церемония, привлекающая не меньше народа: это освящение воды, совершаемое под окнами дворца императрицы. Высшие священники господствующей Церкви располагаются на льду, где заранее проделана прорубь, тут же заполняющаяся водой. Они освящают эту воду, с множеством молитв погружая в нее крест; жители приносят своих детей, и священники их крестят, окуная в воду реки. Рядом со священниками находятся самые видные лица двора. На льду и на берегу выстроены рядами целые полки солдат, чтобы приобщиться к благословению одновременно с рекой. По окончании церемонии солдаты разряжают свои ружья, а пушки с крепости и Адмиралтейства им отвечают... После церемонии священники собираются у духовника императрицы, чтобы откусать с ним»<sup>33</sup>.

Сходное сообщение находим и в записках испанского дипломата Луиса дель Кастильо, жившего в России в 1788—1792 годах. В своем трактате «Краткий хронологический компендиум истории и нынешнего состояния Российской империи» он пишет: «У россиян издавна существовал обычай святить воду раз в год; существует и поныне. В Петербурге обряд сей свершается с величайшей пышностью и торжественностью на Богоявление (в День Царей Волхвов), и происходит это пред Зимним Дворцом Императрицы: лед прорубается, над прорубью ставится шатер<sup>34</sup>, куда с большою пышностью проходит процессией все духовенство; является также Императрица и все Августейшее Семейство. После долгих молитв и коленопреклонений невскую воду благословляют и в золотых чашах подносят Императрице и членам Императорского Дома. Тысячные толпы ждут с нетерпением конца церемонии и спешат наполнить свою посуду освященной водой, боясь, как сами они признаются, как бы благодать не выдохлась. Здесь же крестят новорожденных»<sup>35</sup>.

<sup>30</sup> С.-Петербург в 1782 году. Письма Пикара к князю А. Б. Куракину // Русская старина, 1878, май. С. 42.

<sup>31</sup> Там же. Примеч.

<sup>32</sup> Цит. по: Беспятовых Ю. Н., Сухачев Н. Л. Указ. соч. С. 64.

<sup>33</sup> Там же.

<sup>34</sup> «Адмиралтейский канал служит также с некоторых лет к торжественному водоосвящению 6 числа Января. Прежде сего происходило сие освящение на Неве... Ныне же над прорубью в канале поставляется круглый храм с иконами и хоругвями» (Георги И.-Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794. С. 92).

<sup>35</sup> Кастильо Луис дель. Краткий хронологический компендиум истории и нынешнего состояния Российской империи // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 45.

О подобном «крещении новорожденных» сообщает и Джованни Джакомо Казанова, посетивший Санкт-Петербург в екатерининскую эпоху: «Меня поразила одна вещь, кою я наблюдал: как на Крещение крестят детей в Неве, покрытой пятифутовым льдом. Их крестят прямо в реке, окуная в проруби. Случилось в тот день, что священник, совершавший обряд, выпустил в воде ребенка из рук. — „Другой“, — сказал он. Что значит: „дайте мне другого“, но что особо меня восхитило, так это радость отца и матери утопшего младенца, который, столь счастливо умерев, конечно, не мог отправиться никуда, кроме как в рай»<sup>36</sup>.

Французская революция 1789 года косвенным образом способствовала появлению новых сочинений о России. Роялисты, покинувшие Францию, часто находили прибежище в России; некоторые из них оставили записки о православных обрядах и традициях, увиденных ими в Москве, Петербурге и других городах страны. Граф А. Фортиа де Пиле, изгнанный из Франции в 1790 году, отправился в сопровождении Л. де Буазгелена де Кердю в поездку по Европе, результатом чего явилось пятитомное сочинение под названием «Путешествие двух французов», изданное без указания имен авторов. В третьем томе, посвященном России, Фортиа де Пиле и Буазгелен де Кердю сообщают: «Освящение воды происходит 6 января. В половине двенадцатого мы увидели, как приносят две небольших хоругви; сопровождающий человек нес на шесте фонарь, в котором горела зажженная свеча. Затем следовало Распятие без какого-либо эскорта священников. Это был весь кортеж, что не мешало народу выражать свое уважение и часто креститься. По прибытии в дворцовую церковь здесь совершили богослужение обычным образом... После завершения церемонии во дворце священники спустились по правой лестнице дворца, выходящей к Адмиралтейству (по Иорданской лестнице. — *Авт.*), пройдя через апартаменты Великого Князя. Через всю улицу был протянут ковер, доходивший до своего рода временного алтаря в виде открытой со всех сторон ротонды, которая возвышалась над ближайшей к дворцу частью адмиралтейского рва. По одному подразделению из всех полков гарнизона выстроились со своими знаменами боевыми рядами от дворцового крыла до перспективы перед алтарем... Ранее полки присутствовали целиком на этой церемонии, которая устраивалась прямо на Неве, и долго там еще оставались, подверженные всей суровости холода. Тогда при этом присутствовал весь двор, что очень удлиняло церемонию, и госпитали переполнялись солдатами. Вполне можно поверить, что это один из мотивов, которые побудили царствующую императрицу (Екатерину II. — *Авт.*) не выходить более из своих апартаментов... Затем начинается церемония освящения воды: она состоит в том, что берут воду из проруби, устроенной в центре алтаря, и льют ее в некий сосуд. Митрополит окунает в воду Распятие, затем выливает ее обратно в прорубь, из которой ее взяли, откуда вновь набирают воду, коей окропляют знамена, свешиваемые надо рвом. Во время этой церемонии, длящейся более получаса, поют молитвы и стреляют из пушек в крепости...

После того как знамена возвращают на место, отряды дефилируют перед дворцом. Знаменами приветствуют императрицу, которая находится за окном в эркере, устроенном над одним из выступающих портиков ее дворца... Теперь уже не окунают в воду, как некогда, новорожденных, но огромная толпа спешит набрать воды, чтобы полить себе на голову или на руки, или унести ее домой. Алтарь сохраняется еще несколько дней, и многие приходят набрать воды»<sup>37</sup>.

Можно было бы привести выдержки из сочинений целого ряда авторов, писавших о чине водоосвящения. Зарубежные читатели могли почерпнуть сведения об этой церемонии благодаря голландскому художнику и путешественнику Корнелию де Бруину

<sup>36</sup> Казанова Д. История моей жизни. М., 1990. С. 559.

<sup>37</sup> Цит. по: Беспярых Ю. Н., Сухачев Н. Л. Указ. соч. С. 64–65.

(наблюдал обряд в 1702 году), шведскому пленному священнику Г. Сёдербергу (1710-е годы), английскому дипломату Дж. Мэкензи (1719), жене английского посланника леди Рондо (1731) и многим другим.

В 1784 году в Санкт-Петербург прибыл английский гравёр Джон Август Аткинсон. По возвращении в Англию в 1802 году он опубликовал «Панораму Санкт-Петербурга» (1802–1803) в серии «Живописное изображение манер, обычаев и увеселений русских» (1803–1804). Праздник «Освящения воды», отмечаемый 6 января по всей России и описанный столькими путешественниками, был изображен художником на самом знаменитом месте его проведения — перед Зимним дворцом<sup>38</sup>.

Большинство иностранных авторов уделяли внимание самому чину водоосвящения. Что же касается графа Жозефа де Местра (посланник короля Сардинии в Санкт-Петербурге), то он описывает подготовку к этому событию, упоминая про «назначенный на послезавтра грандиозный смотр войск в честь дня Богоявления и освящения вод». «В Санкт-Петербурге будет под ружьем 40 тысяч солдат, — продолжает де Местр. — Его императорское Величество взял на себя труд самолично распisać на шести страницах подробности всех эволюций. Сегодня вместе с августейшим своим братом он проехал по улицам, чтобы определить место каждому корпусу. Город разделен на кварталы, поставленные под команду генералов для соблюдения надлежащего порядка. На всех новые мундиры, каски и плюмажи необыкновенной красоты. Раньше церемония эта зависела от термометра, но на сей раз Его Величество решил не обращать внимания на мороз. <...> Никто из офицеров не может надеть ни шубу, ни даже плащ. Министры, тоже без шуб, свидетельствуют свое почтение императрицам на балконе, который выходит на Неву»<sup>39</sup>.

Жозеф де Местр не один раз присутствовал при «освящении вод» и, учитывая слабую «морозоустойчивость» сардинского дипломата, его приглашали в Зимний дворец, откуда он мог лицезреть праздничный обряд. «1817 г. 6/18 сего месяца имели мы случай видеть блестящую церемонию освящения вод и последующий парад, в котором участвовало *всего лишь* 36 000 солдат, — пишет Жозеф де Местр. — Мы смотрели из «Фонарика». Уже во второй раз допускают нас в оный, и потому избавлены мы были от обязанности свидетельствовать почтение свое обеим Императрицам, занимавшим большой балкон, выходящий на Неву. Красота войск, точность и равномерность их движений не имеют равных себе во всем свете. Это механизм, словно бы приводимый в движение невидимыми колесами. Особенно поразительна кавалерия; кажется, будто лошади обрели разум, утраченный людьми. Вернее, это кентавры, движимые единой волей. Восхитительное зрелище являли собой на широкой площади сии как бы танцующие каре, которые то вдруг расходились в разные стороны, то поворачивались с нарастающей скоростью вокруг воображаемой оси, ни на мгновение не нарушая математической строгости линий»<sup>40</sup>.

Жалобы на крещенские морозы нередко проскальзывают в записках иностранцев, присутствовавших при церемонии водосвятия. Особенно подробно об этом пишет Адам Чарторыйский (1770–1861), известный политический деятель. В 1795 году он прибыл в Санкт-Петербург; он описывает водосвятие, совершавшееся в годы правления Павла I.

«В день Крещения, один из самых торжественных праздников Православной Церкви, когда происходит освящение воды, был большой военный парад, как принято у рус-

<sup>38</sup> Кросс Энтони. Петербург глазами британских художников (XVIII — начало XX в.) // Образы Петербурга в мировой культуре. СПб., 2003. С. 472–473.

<sup>39</sup> Местр Жозеф де. Петербургские письма. СПб., 1995. С. 93–94.

<sup>40</sup> Там же. С. 313–314. Графу де Валузу 15 (27) января 1817 года.

ских, — пишет Адам Чарторыйский. — Император хотел обставить этот парад особенной торжественностью. Гвардия и все ближние полки были собраны и выстроены на берегу Невы, между Зимним дворцом и адмиралтейством. Туда сошла императорская фамилия. Придворным дан был приказ явиться в парадных костюмах. Император лично командовал армией; он любил выдвигаться в подобных случаях. Он и великие князья продефилировали во главе войска перед императрицей, великими княгинями и княжнами.

Мне казалось, что это дефилирование никогда не кончится: холод был свыше 17 градусов по реомюру. Мы были одеты в шелковые чулки, шитые костюмы и пр. и стояли с непокрытой головой; мы постарались надеть вниз что-нибудь потеплее, но это ни к чему не привело и не помогло нам: в этот день я испытал муки замерзающего человека. Я не чувствовал ни рук, ни ног; напрасно я переминался с ноги на ногу и прыгал на месте, как и многие другие, испытывавшие такие же страдания и, подобно мне, уже не обращавшие больше внимания на торжественность обстановки и приличие, так как нам почти угрожала смерть. Ледяной холод пронизывал нас все больше и больше. Мне казалось, что половина моего тела уже отмерзла. Наконец, не будучи более в силах выдерживать это мучение, я ушел домой, где в продолжение нескольких часов едва мог отогреться. Память об этом дне осталась у меня в виде отмороженных пальцев на руках; они часто, при малейшем холоде, теряют всякую чувствительность»<sup>41</sup>.

Еще один иностранный автор, Генрих фон Реймерс, в своей книге сообщает о том, где совершался чин водосвятия в разные времена, и о причинах, по которым в годы правления императора Павла I было выбрано новое место для этого торжественного события.

«С тех пор как покрыты гранитом и снабжены деревянными перилами оба берега рукава Мойки, который вытекает из Невы под сводами коридоров Эрмитажа и прорезает Большую Миллионную, каждый год 6 января, на святое Рождество, на льду этого рукава Мойки прямо напротив боковых ворот экзерциргауза строится часовня для иорданской купели, и празднуется водосвятие, — пишет фон Реймерс. — При этой церемонии присутствуют император с семейством и двором, духовенство высшего сана, все полки императорской гвардии и гарнизона столицы; всех их благословляют и кропят освященной водой. Тысячи зрителей на улице и у окон окрестных домов, праздничные одежды народа, который плотной благоговейной толпой жмет к реке по обоим ее берегам и даже забирается на крыши близлежащих домов во время торжества, великое множество людей на таком малом пространстве — все это представляет собой живописное зрелище.

В нынешнее правление [Павла I] эта церемония проводится обычно на льду Большой Невы, у левого ее берега, напротив императорского Зимнего дворца. Однако, поскольку места здесь очень мало для такого количества зрителей, особенно низших слоев, то решено было, в частности, в мягкую погоду, когда приток народа особенно велик, праздновать водосвятие на Неве перед Сенатом. Гвардия и полевые полки в этом случае образуют цепочку от Зимнего дворца до Сената. На всем этом пространстве — на Исаакиевской и Петровской площадях, на мостах через Неву и по берегу Невы, а также на валах Адмиралтейства — может в таком случае разместиться несколько тысяч человек»<sup>42</sup>.

Рассказ о церемонии водоосвящения продолжает французская художница Элизабет Виже-Лебрен. «Одна из красивейших церемоний — это освящение Невы, совершаемое каждый год архимандритом в присутствии всей императорской фамилии и всех высших

<sup>41</sup> Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. М., 1912. С. 123–124.

<sup>42</sup> Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.; Росток, 2007. С. 320–321.

сановников, — пишет Мария-Луиза-Элизабет. — Поелику в сие время года лед на реке не менее трех футов толщины, для сего делается прорубь, из которой после церемонии каждый может брать святую воду. Довольно часто женщины окунают в нее своих младенцев, и бывает, что несчастные сии жертвы суеверий выскальзывают из рук и утопляются; но матери отнюдь не оплакивают своих чад, а, напротив того, радуются вознесению своего ангела на небо, где он будет молиться за них. Император должен выпить первый стакан воды, каковой подносит ему сам архимандрит»<sup>43</sup>.

Вот что писала об этой церемонии графиня Фосс, присутствовавшая на водосвятном молебне 18 января 1809 года: «Сегодня было большое празднество на Неве с крестным ходом, — пишет она. — Празднество, благодаря холоду, было весьма краткое, но войск было очень много, зрелище весьма красивое, торжественное и внушительное. Посреди реки на льду был устроен помост вроде алтаря, с него митрополит благословил знамена; по самой середине помоста устроен спуск к проруби, из нее митрополит брал воду и кропил ею знамена. Потом эту освященную воду послали обеим царицам (в том числе королеве Прусской Луизе. — *Авт.*) и подали вообще всем русским, которые ею также кропились. Царь положительно застывал от холода, но, тем не менее, пробыл до конца торжества. Народу было бесчисленное, несметное множество; в общем, все величественно и празднично: священнослужители в торжественном одеянии были великолепны. В заключение на Неве был отслужен молебен, затем вдоль реки двинулось торжественное шествие бесконечного сонма духовенства с зажженными свечами в руках, а вслед за ним шли несметные толпы народа»<sup>44</sup>.

Немногие из иностранцев удостоивались чести лицезреть чин водосвятия из Зимнего дворца. В числе таких «привилегированных лиц» был Эдвард Джеймс Александер, присутствовавший при этом торжестве в январе 1830 года. «Из окон дворца я имел возможность наблюдать грандиозную церемонию водосвятия на Неве, — вспоминал английский офицер. — Император во главе процессии высшего духовенства прошествовал в выстроенный на набережной храм, где крест был погружен в воду; всех присутствующих и хоругви окропили освященной водой»<sup>45</sup>.

Продолжить этот обзор можно заметками профессионального литератора — неоднократно уже цитированного Теофиля Готье. «Нева — это сила Санкт-Петербурга. Ей воздают почести и с большой помпой освящают ее воды, — пишет французский автор. — Эта церемония, которую называют крещением Невы, происходит 6 января по русскому стилю. Я присутствовал на ней, глядя из окна Зимнего дворца, доступ к которому мне был дозволен благодаря одной милостивой протекции...»<sup>46</sup>

Можно предположить, что Теофиль Готье не решился присутствовать при водосвятном молебне на Неве, опасаясь знаменитых крещенских морозов. Но как сообщалось в петербургской газете «Северная пчела» от 7 января 1859 года, «6-го числа, в праздник Богоявления, совершено освящение воды на Неве с обыкновенной церемонией. Было пасмурно и тепло. Термометр показывал градус мороза».

Итак, по окончании Божественной литургии в придворной церкви «царский кортеж отправился через залы дворца к месту крещения или скорее, освящения Невы. Император (Александр II. — *Авт.*), Великие князья в военных мундирах, служители Церкви в облачениях из золотой и серебряной парчи, в красивых священнических одеждах византийского покроя, пестрая толпа генералов, офицеров высших чинов, проходя в за-

<sup>43</sup> Вилге-Лебрен Э. Воспоминания о пребывании в Санкт-Петербурге и Москве 1795–1801 гг. СПб., 2004. С. 52.

<sup>44</sup> Из дневника графини Фосс // Русский архив, 1885, № 4. С. 484–485.

<sup>45</sup> Александер Джеймс. Россия глазами иностранца. М., 2008. С. 243.

<sup>46</sup> Готье Т. Путешествие в Россию. М., 1988. С. 86.

лах сквозь плотную массу выстроенных в линии войск, являли собою великолепное и впечатляющее зрелище»<sup>47</sup>, — продолжает Теофиль Готье.

Наблюдая за церемонией через окно Зимнего дворца, Готье видел хорошо сверху «Иордань», о чем подробно сообщает в своих записках. «На Неве, напротив Зимнего дворца, у самой набережной, с которой его соединяла покрытая ковром лестница, был воздвигнут павильон или, скорее, часовня с легкими колоннами, поддерживающими решетчатый купол, покрашенный в зеленый цвет. Под куполом, окруженный лучами, парил Святой Дух, — пишет публицист. — Посредине площадки под куполом был устроен обрамленный перилами колодец-прурубь. На Неве в этом месте прорубили лед. Линия расставленных далеко друг от друга солдат ограждала на реке свободное пространство вокруг часовни...»<sup>48</sup>

Находясь на большом расстоянии от крещенской проруби, Готье не мог, естественно, наблюдать за всеми особенностями водосвятного молебна. Поэтому он сообщает лишь о том, что смог видеть «из своего окна, сквозь двойные рамы». Тем не менее его наблюдения дополняют сказанное предшественниками французского писателя, и этими строками можно завершить его рассказ о той церемонии, которая привлекала десятки и сотни тысяч жителей Петербурга. «Кортеж выехал из дворца, и я увидел, как император, великие князья, священники вошли в часовню, которая вскоре наполнилась людьми до отказа, так что с трудом можно было проследить за жестами священников, отправляющих службу над прорубью. Выставленные на другом берегу, на Биржевой набережной, пушки палили поочередно в кульминационные моменты службы»<sup>49</sup>.

Одно из иностранных описаний чина водоосвящения начала XX века принадлежит Эулалии де Бурбон (1864—1958) — младшей дочери испанской королевы Изабеллы II. (В Петербурге она побывала в 1905 году.) Испанская аристократка вспоминает о своей беседе с императором Николаем II: «Царь много и интересно рассказывал мне о «водном празднике» 6 января, но когда я увидела сам праздник, то поняла, что он по своему великолепию, размаху и новизне превосходит все, что я только могла себе вообразить. В день, когда совершался этот, исключительно восточный, ритуал, Петербург — витрина пышности и расточительства — сверкал особенно ярко»<sup>50</sup>. А теперь — сам рассказ Эулалии де Бурбон, по личным впечатлениям.

Весь Двор собрался вокруг императора и священника, который шествовал, высоко подняв огромный крест, сделанный в чисто византийском стиле: золото, изумруды, бирюза, аметисты, рубины — вся цветовая гамма. Во главе свиты шла царица, ее высокую прическу венчала диадема Екатерины Великой; зачесанные наверх волосы придавали ей вид живой иконы, таинственной и прекрасной. За царицей следовали великие князья, дядя императора, — четыре подлинных образца мужской красоты, высокие, крепкие, высокомерные, одетые в яркие парадные мундиры. Великий князь Владимир и его младший брат Павел — смуглые, черноглазые и очень надменные — почти до смешного. Великие князья Алексей и Сергей — мужчины нордического типа, светловолосые, розовощекие, такие же статные, каким был их брат, царь Александр Третий. Николай выглядел на фоне дядьев скромным, почти что маленьким и необычайно приветливым.

За императорским семейством следовал весь двор в сопровождении множества священников: у каждого из них было свое место в процессии, своя миссия в религиозной церемонии. Свита, окутанная дымом ладана, церковными песнопениями и торжественной музыкой, медленно вышагивала к берегу Невы, как и всегда в этот

<sup>47</sup> Там же. С. 88.

<sup>48</sup> Там же.

<sup>49</sup> Там же. С. 89.

<sup>50</sup> Бурбон Эулалия де. Воспоминания // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 170.

день скованной льдом. Пока ломали толщу льда и окунали крест в воду, все присутствующие в полном молчании опустили на колени, ожидая момента, когда царь сможет использовать крест в качестве гигантского кропила и оросит освященной водой головы собравшихся. Снова зазвучали песнопения, и царь, возведя очи к небесам в безмолвной молитве, начал, подобно древнему патриарху, благословлять своих придворных и свой народ — простые люди стояли на коленях поодаль, они вздымали руки вверх в фанатичном религиозном порыве, моля Бога благословить царя и Россию<sup>51</sup>.

Эулалия де Бурбон присутствовала на этом празднестве в январе 1905 года — в период первой русской революции. В 1917 году последовала Февральская революция, а затем — Октябрьская... О чине водоосвящения «на Иордани» пришлось забыть на несколько десятилетий...

### О ВЕРОТЕРПИМОСТИ

**Эпоха Петра I.** С самых первых лет со времени основания Петербурга здесь жили представители разных христианских исповеданий. Так, например, шведы-лютеране, взятые в плен в ходе Северной войны (1700—1721), прокладывали «Невскую перспективу» — главную магистраль города, участвовали в строительстве различных зданий, в том числе и церковных. Петр I, нуждавшийся в специалистах, приглашал в новую столицу иностранных умельцев, невзирая на их инославные воззрения. От них требовалось в первую очередь продемонстрировать свои профессиональные качества. В связи с этим характерно замечание одного иностранного автора, которому принадлежит переведенное и опубликованное в 1860 году «Описание Санкт-Петербурга и Кроншлота в 1710 и 1711 годах». В этом небольшом, но любопытном сочинении, впервые напечатанном в Лейпциге в 1713 году под инициалами «Von H. G.», говорится: «Был тут (в 1710 году в Санкт-Петербурге. — *Авт.*) еще один мальтийский кавалер из французов, который очень старался попасть в командиры корабля, но, не успев в том, удалился восвояси»<sup>52</sup>.

В рукописном отделе библиотеки Упсальского университета (Швеция) хранится рукопись, один из разделов которой озаглавлен: «Описание города Петербурга с несколькими замечаниями». Автор этого сочинения — швед Ларс Юхан Эренмальм; он находился в Петербурге в 1710—1712 годах. В годы Северной войны Эренмальм попал в плен к русским и на своем опыте мог убедиться в доброжелательном отношении русских к инославным христианам. Касаясь церковной политики Петра I, шведский автор пишет: «Нынешний царь Петр приказал установить свободное отправление религиозных обрядов, чтобы католики, реформаты, лютеране, армяне, даже турки и язычники, могли иметь в России свои церкви и публичные собрания, и каждый может, не опасаясь никаких преследований, по своему обычаю тайно или явно отправлять богослужение»<sup>53</sup>.

Один весьма характерный эпизод встречается в записках Ф.-Х. Вебера. Брауншвейгский резидент сообщает о том, что в январе 1719 года в Петербурге умер англичанин, контр-адмирал Паддон, «и погребение тела его совершено было с великим почетом... Его Царское Величество провожал тело его пешком, от дома покойного до самой новой

<sup>51</sup> Там же. С. 170—171.

<sup>52</sup> Описание Санкт-Петербурга и Кроншлота в 1710 и 1711 годах. СПб., 1860. С. 82.

<sup>53</sup> Об этом авторе и его труде см.: Беспятовых Ю. Н. Сочинение Л. Ю. Эренмальма «Состояние России при Петре I» (1714) // История СССР, 1984, № 5. С. 141—150. Текст сочинения опубликован в статье: Беспятовых Ю. Н. Страницы старинной рукописи // Нева, 1982, № 5. С. 186—189.

церкви, по ту сторону реки Невы, на расстоянии целой доброй полумили», — пишет Вебер, добавляя при этом, что «помянутая сейчас церковь заложена и построена во имя св. Сампсона и в память дня Полтавской битвы; при ней отведено и кладбище для чужестранцев, так как русские летописи приписывают св. Сампсону особое значение и гостеприимное покровительство по отношению к иностранцам»<sup>54</sup>.

«На карельском, или финском берегу нынешней Выборгской стороны в 1709 году начало строительство Сампсониевской церкви, — сообщает Генрих фон Реймерс. — После славной победы под Полтавой монарх в ноябре того же года прибыл в Петербург и основал в память означенной битвы эту церковь, посвященную святому Сампсону»<sup>55</sup>.

Особую веротерпимость Петр I проявил к шведам, попавшим в русский плен в годы Северной войны (1700—1721), о чем пишет граф Геннинг Фридрих Бассевич (Бассевиц) (1680—1749) — президент тайного совета герцога Шлезвиг-Гольштинского Карла Фридриха: «Продолжительный плен множества шведов, взятых при жизни Карла XII и отправленных в Сибирь, превратил их как бы в природных ее жителей. Они в особенности заставляли ценить себя в этой дикой стране своим искусством в горных работах, с которыми русские были мало знакомы. Многие из пленников, потеряв надежду на обмен или выкуп, желали посредством браков основаться навсегда в местах своей ссылки. Но они были слишком велики душою, чтобы ради любви отречься от веры своих отцов, а русские женщины, хотя и плененные кротостью нравов этих иностранцев, боялись оскверниться браком с протестантами. Некоторые из них, пренебрегшие подобным предрассудком, были разлучены священниками, господами и безжалостными судьями с любимыми мужьями-еретиками и выданы за православных, которые им не нравились.

Извещенный об этом, царь нашел такие поступки столько же несправедливыми, сколько и противными его интересам, но со всем тем не хотел показать, что действует по своему произволу в вопросах, касающихся религии. Дело это было отдано на рассмотрение Св. Синода, который напечатанным в С.-Петербурге 18 августа 1721 года указом, делающим по своему благоразумию честь его составителям, объявил браки между православными и иноверцами не только законными и дозволенными, но и похвальными, если они клонятся ко благу государства, и подчинил их только одному условию, по которому еретик обязывался давать подписку, что не станет тревожить совести своей жены и что дети будут исповедовать господствующую религию страны. Этот мудрый указ приобрел России значительное число полезных жителей»<sup>56</sup>.

Фридриху Бассевичу вторит Иоганн Готтгильф Фоккеродт: «В числе перемен, принятых Петром I в церковном благочинии, надобно считать еще ту, что он чрез новый Синод объявил позволительными и законными прежде решительно запрещенные браки исповедующих иноземную веру с русачками, впрочем на следующих условиях: 1) чтобы иностранец объявил себя наперед подданным русского государства и обязался служить ему вечно; 2) чтобы дети обоего пола были крещены и воспитаны в русской вере; 3) чтобы иностранец не старался ни силою, ни убеждениями совращать свою жену с ее веры и для того дозволял бы во всякое время свободный вход к себе в дом священнику своего прихода, обязанному наблюдать за тем»<sup>57</sup>.

Архив Санкт-Петербургской духовной консистории с 1721-го по 1730 год почти наполовину был заполнен делами о переходе лютеран в православие. Просьбы о при-

<sup>54</sup> Вебер Ф.-Х. Записки о Петре Великом и об его преобразованиях // Русский архив, 1872, № 6—9. С. 1644—1645.

<sup>55</sup> Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.; Ростов, 2007. С. 97.

<sup>56</sup> Бассевич Геннинг Фридрих. Записки // Юность державы. М., 2000. С. 392.

<sup>57</sup> Фоккеродт Иоганн Готтгильф. Россия при Петре Великом // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 25.

соединении к Русской православной церкви присылали в Святейший Синод жители не только Петербурга, но и других городов, например Ревеля и Риги<sup>58</sup>. При этом не следует полагать, что такое обилие прошений было вызвано насильственными действиями русского правительства. В связи с этим вопросом интересно ознакомиться с замечанием Педера фон Хавена, который писал: «Когда человек другой веры переходит в русскую, чего, правда, давно не бывало, то его перекрещивают, ибо сомневаются, был ли он окрещен должным образом. Император Петр Первый, желая отменить это правило, сделал так, что оно упразднилось само собой, — он предоставил всем вероисповеданиям всевозможную свободу и выказывал большое недовольство, если кто-то менял веру. Когда некий видный офицер стал генерал-майором его службы, то дабы войти в еще большее доверие, пожелал креститься в русскую веру. Но император, говорят, прислал ему бумагу об отставке со следующими словами: коли он (генерал) не желает оставаться преданным Богу в той вере, в которой взращен, то и нельзя надеяться, что он пребудет верным императору на его службе. С тем генералу и пришлось тотчас убраться из государства»<sup>59</sup>.

**Послепетровская эпоха.** После кончины Петра I иностранцы, жившие в России, продолжали пользоваться всеми привилегиями, причем не только протестанты, но и католики. Об этом свидетельствует герцог де Лириа, полномочный посланник Испании в России, назначенный в Петербург в 1727 году<sup>60</sup>. В своем письме послу Испании в Австрии Хосе де Вьяне-и-Эгилусу, датированном 1729 годом, он заявляет: «Вы пишете, что главное — добиться такого положения, при котором бедные католики могли бы жить спокойно. На это я должен ответить, что католики-иностранцы, которые находятся здесь (в России. — *Авт.*), ни в коей мере не испытывают затруднений из-за исповедуемой ими религии. Наоборот, им позволено жить в условиях максимальной свободы. Дела нашей Церкви (Римско-католической. — *Авт.*) идут хорошо, и ее интересы должным образом защищаются; делами Церкви здесь занимаются два миссионера ордена капуцинов, которые везде появляются в монашеском одеянии своего ордена»<sup>61</sup>.

«В городе есть очень красивая католическая церковь, есть еще одна кальвинистская и одна лютеранская. Почти все российские вельможи имеют здесь по дворцу, но предпочитают жить в Москве»<sup>62</sup>, — отмечал де Лириа.

Но веротерпимость русского правительства не была безграничной, и порой к активным миссионерам применялись административные меры. Например, есть сведения о том, что французский католический священник Жюбе де ля Кур (Кур де Жебелен) пытался сблизить Русскую православную церковь с папским престолом. Прибыв в Россию в качестве представителя папы римского, он действовал под покровительством Ирины Долгорукой.

<sup>58</sup> Архангельский Михаил, свящ. С.-Петербургская епархия, от основания С.-Петербурга до воцарения Анны Иоанновны (с 1703-го по 1730 год) // Странник, 1866. Т. 2. Отд. II. С. 32–33.

<sup>59</sup> Хавен Педер фон. Путешествие в Россию // Беспятовых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 332. См. также: Путешествие по России в 1736–1739 годах (Из дорожных записок фон Хафена) // Северная пчела, 1863, № 156. С. 713.

<sup>60</sup> Лириа Якобо Фитц Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика, граф Тинмут, барон Босворт (1695–1735), англичанин. Маршал Франции, полномочный посланник Испании в Петербурге (1727–1730). Его сочинение: Записки дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при императорском российском дворе в звании посла короля испанского 1727–1730 годов / Пер. с франц. Д. И. Языкова. СПб., 1845 (2-е изд.; М., 1909). Донесения дипломата опубликованы: Лириа Я. де. Письма о России в Испанию дука де Лириа... // Осмнадцатый век: Исторический сборник. М., 1868. Кн. 2. С. 1–214.

<sup>61</sup> Россия и Испания. Т. 1. М., 1991. С. 132.

<sup>62</sup> Лириа де герцог. Дневник путешествия в Московию // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 31.

Жена русского посла в Голландии С. П. Долгорукого, княгиня Ирина, в 1727 году приняла там католичество, но об этом поначалу знал очень узкий круг лиц. Одним из них был герцог Лирийский, который в письме к Хосе де Вьяне сообщал об этом обстоятельстве: «Полагаю, что я единственный иностранец в Москве, которому известно, что княгиня Долгорукая — католичка. Эта тайна была доверена мне вскоре после ее прибытия сюда. Княжна (?) обладает многими добродетелями и достойна покровительства со стороны Ее Величества Государыни Императрицы. Е<го> В<величест>во может пребывать в полной уверенности, что я окажу всяческую помощь и дам необходимые советы в той мере, в какой это от меня зависит, дабы избавить ее от преследований со стороны ревнителей всего русского»<sup>63</sup>.

Что же касается аббата Жюбе, прибывшего в Петербург вместе с княгиней Ириной Долгорукой, то герцог де Лириа делал все возможное, чтобы обеспечить безопасность его пребывания в России. Вот что сообщал он Хосе де Вьяне в Австрию: «Капеллана, которого она (Ирина. — *Авт.*) привезла с собой в качестве воспитателя своих детей, я в случае необходимости могу защитить, так как я уже дал ему бумагу, подписанную собственноручно мною, в которой, говорится, что он является моим капелланом и духовником, и которая предохранит его от любых неожиданностей»<sup>64</sup>.

Следует сказать, что влияние испанского посланника при русском дворе было весьма большим. Герцог де Лириа был одним из немногих иностранных дипломатов, награжденных орденом Св. Андрея Первозванного<sup>65</sup>. Три года подряд отец Жюбе прилагал все усилия, чтобы добиться своей цели. Но с воцарением на российском престоле императрицы Анны Иоанновны в придворных кругах усилилось немецкое влияние, и в 1731 году он был выслан из России<sup>66</sup>.

**В годы правления Анны Иоанновны (1730—1740)** веротерпимость по-прежнему бытовала в Санкт-Петербурге, и об этом свидетельствует целый ряд иностранных авторов. «В С.-Петербурге шестнадцать церквей — десять русских и шесть иностранных для чужеземцев, — писал в 1733 году Фрэнсис Дэшвуд. — В части [города], называемой Петербург, — три русских; на Адмиралтейском острове четыре русских и одна немецкая лютеранская церковь, одна голландская реформатская, одна французская католическая и одна французская реформатская. На Васильевском острове — одна русская и одна немецкая лютеранская»<sup>67</sup>.

«В России дозволено отправление любой веры, благодаря чему иностранцы не доставляют хлопот государственной религии, которая является греческой, — свидетельствовал в 1730-х годах Джон Кук. — Когда Петр Великий допустил иноземцев на свою службу, случалось много раздоров и часто происходили убийства, вследствие чего сей мудрый государь под страхом суровейшего наказания повелел, чтобы люди разных вероисповеданий не спорили и не оскорбляли друг друга на этой почве. Приказ возымел полное действие, предотвращая беспорядки и содействуя управлению»<sup>68</sup>.

Сходные сведения можно найти в записках Педера фон Хавена, жившего в Санкт-Петербурге в те же годы, что и Джон Кук. «Мне кажется уместным сообщить о разных конфессиях, их свободе и положении в России, — пишет датский пастор. — Такая сво-

<sup>63</sup> Там же. С. 131—132.

<sup>64</sup> Там же. С. 132.

<sup>65</sup> Там же. С. 142.

<sup>66</sup> П. П. Французы в России // Исторический вестник, 1886, октябрь. С. 177.

<sup>67</sup> Дэшвуд Фрэнсис. Дневник пребывания в С.-Петербурге в 1733 году // Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 65 (Дэшвуд учел только храмы на Адмиралтейском, Петербургском и Васильевском островах).

<sup>68</sup> Кук Джон. Путешествия и странствия по Российской империи, Татарии и части Персидского царства // Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 409.

бода была всеобщей и распространялась на все конфессии, за исключением лишь евреев и иезуитов. Ни одной не оказывали большего в сравнении с другими покровительства. Было опубликовано постановление, согласно которому людям нельзя было спорить о религиозных делах, под каким бы предлогом это ни делалось, стараясь внушить другим положения своей религии. <...> Любое насилие над совестью строго-настроено запрещено, поэтому всевозможные церковные службы и обряды могут отправляться свободно и беспрепятственно, если только таковыми никого не высмеивают, не кощунствуют и не выказывают ни к кому презрения»<sup>69</sup>.

В своем трактате Педер фон Хавен уделяет внимание лютеранским общинам, имевшимся в его время в Санкт-Петербурге. «Из иностранных общин лютеранская — самая большая и многочисленная в России, — сообщает датчанин. — Во время моего пребывания в Петербурге там было три немецких и одна шведская церковь. При церкви св. Петра было два пастора, а при каждой из двух других — только по одному. В шведской церкви проповеди говорились поочередно на шведском и финском языках <...> Все управление немецкими общинами, как в некоторых местностях Германии, было в руках церковного собрания, состоявшего из виднейших прихожан и делившегося на церковный совет, церковных старост и церковных старейшин. Графы Остерман и Миних были тогда виднейшими патронами евангелической общины в государстве»<sup>70</sup>.

Ценные сведения по рассматриваемой теме можно почерпнуть из «Путевых заметок о России», принадлежащих перу Карла Рейнхольда Берка. В эпоху Анны Иоанновны лютеранские приходы получили большую независимость, о чем пишет шведский ученый: «До недавнего времени евангелические приходы Ингерманландии и Карелии получали своих священников от Синода, но теперь переданы в ведение немецкой Юстиц-коллегии<sup>71</sup>, и поэтому надеются, что отныне будут изыскиваться священники, лучше знающие свои обязанности»<sup>72</sup>.

В 1730-е годы главная улица Санкт-Петербурга — «Невская перспектива» — только начинала застраиваться, но уже тогда там и в прилегающих улицах отводились земельные участки для постройки инославных храмов, о чем и пишет К.-Р. Берк: «На Перспективной улице мало примечательных зданий, помимо каменной русской церкви, которая пока не достроена, но будет, по-видимому, красивой»<sup>73</sup>; каменной евангелической немецкой<sup>74</sup>, деревянной финской (в которой отправляется и шведское богослужение)<sup>75</sup> и деревянной реформатской французской церкви<sup>76</sup>. Все три стоят на площади между названной улицей и императорскими конюшнями»<sup>77</sup>.

<sup>69</sup> Хавен Педер фон. Путешествие в Россию // Беспятовых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 335.

<sup>70</sup> Там же. С. 335–336.

<sup>71</sup> То есть Юстиц-коллегии ливонских, эстляндских и финляндских дел.

<sup>72</sup> Берк Карл Рейнхольд. Путевые заметки о России // Беспятовых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 134.

<sup>73</sup> Православная церковь Рождества Богородицы, построенная предположительно М. Г. Земцовым в 1733–1737 годах перед нынешним Казанским собором, стояла ближе к Невскому проспекту. После постройки Казанского собора была разобрана в 1813 году.

<sup>74</sup> Лютеранская церковь Св. Петра, построенная в 1730 году, стояла на противоположной от церкви Рождества Богородицы стороне Большой перспективной дороги, в глубине участка.

<sup>75</sup> Финская и шведская церковь открылась 19 мая 1734 года.

<sup>76</sup> Французская реформатская церковь открылась 17 июня 1733 года.

<sup>77</sup> Берк Карл Рейнхольд. Путевые заметки о России // Беспятовых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 169–170. Каменный Конюшенный двор был построен в 1721 году; он, а также дома служащих при конюшнях тянулись от места, где Мойка вытекает из Фонтанки, и по правому берегу Фонтанки.

В отличие от фон Хавена, К.-Р. Берк пишет и об отрицательных сторонах тогдашней религиозной жизни российской столицы. При этом необходимо учитывать, что православие было, по существу, государственным вероисповеданием, а инославные конфессии — всего лишь *терпимыми*. «Когда иноверец вступает в брак с представительницей греческого вероучения, от него не требуют, как прежде, креститься в греческую веру. Но дети будут воспитываться в вере, принятой в этой стране»<sup>78</sup>, — замечает Берк. Вот одна история, о которой упомянул шведский ученый: «Один из князей Голицыных истратил в путешествиях свое состояние и в Риме переменял веру, но потом, будучи прощен, вернулся домой, получил в осмеяние монашескую tonsуру и был взят в шутовской орден»<sup>79</sup>.

Князь Михаил Алексеевич Голицын (1688—1778) страдал слабоумием. Служил в армии и к сорока годам достиг майорского чина. Уехав во Флоренцию, по настоянию второй жены-итальянки принял католическую веру. По возвращении в 1732 году в Россию скрывал это, но безуспешно, и Анна Иоанновна, убедившись в его слабоумии, сделала его своим шутом (1733). Получил прозвище Квасник. Для свадьбы М. А. Голицына и калмычки А. И. Бужениновой в начале 1740 года был выстроен знаменитый Ледяной дом.

Особая тема — это старообрядческий раскол. Церковные реформы, энергично проводившиеся патриархом Никоном во второй половине XVII века, не были приняты значительной частью православных христиан. Особенно сильно старообрядцев преследовали при Петре I; гонения продолжались и в последующую эпоху. Эта проблема не ускользнула и от пытливого взора шведского ученого. «Русские творят крестное знамение первыми тремя пальцами. В этом отношении отличаются раскольники, которые складывают первый, четвертый и пятый пальцы и, кроме того, не любят изображений, сделанных в более позднее время, — пишет Берк. — Хотя эта секта (большинство явных приверженцев которой — простые, но часто зажиточные люди, ибо некоторые знатные являются таковыми тайно), видимо, не согласна с греческой и собственно русской Церковью лишь во многих малых символах; при всем том отношение к секте очень суровое. Исповедующие эту веру не могут иметь собственных церквей, обложены двойной контрибуцией, а в некоторых местах для отличия от ортодоксальных верующих обязаны носить на шее красный отложной воротник»<sup>80</sup>.

(Впоследствии, при Павле I, была осуществлена попытка воссоединить «раскольников» с Православной церковью. 27 октября 1800 года император утвердил разработанные митрополитом Платоном (Левшиным) «Пункты о единоверии»: старообрядцам разрешили публично совершать богослужение по старым, дониконовским книгам при их подчинении официальным церковным властям.)

Что же касается инославных христиан, то они имели свободу вероисповедания, но при условии отказа от прозелитизма («сращения» православных в свою веру). Инославные храмы располагались в непосредственной близости от императорской резиденции, о чем пишет Антиох Кантемир (1738): «На острове есть императорские Зимний и Летний дворцы, а также сады; лютеранская — как немецкая, так и финская — церковь, коллегия миссионеров св. отцов-иезуитов, реформатская церковь»<sup>81</sup>.

**Эпоха правления Елизаветы (1741—1761).** После прихода к власти Елизаветы Петровны немецкое влияние при дворе быстро стало вытесняться французским; в связи

<sup>78</sup> Берк Карл Рейнхольд. Путевые заметки о России // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 119.

<sup>79</sup> Там же. С. 155.

<sup>80</sup> Там же. С. 118.

<sup>81</sup> Кантемир А. Д. Описание Кронштадта и Петербурга // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 459—460.

с этим интересно замечание, содержащееся в записках графа Г. де ля Мессельера, члена французского посольства в России с мая 1757-го по март 1758 года. Он сообщает о том, что между императрицей Елизаветой Петровной и римским папой Бенедиктом XIV (1740—1758), возможно, велись переговоры о вероисповедном единении; по словам французского дипломата, «Бенедикт XIV умер, не придя с Елизаветой в соглашение относительно соединения двух Церквей; я знал также, — продолжает Мессельер, — что русские очень основательно презирают всякого, кто из интереса (выгоды. — *Авт.*) жертвует своим вероисповеданием»<sup>82</sup>.

О веротерпимости, бытовавшей в российской столице, сообщали многие иностранные авторы; можно упомянуть, например, об уже знакомом нам датчанине Педере фон Хавене, который в своем сочинении посвящает отдельные главы Церквам — лютеранской, реформатской, католической, а также другим религиозным общинам. Российская администрация не вмешивалась в дела инославных религиозных общин; это выражалось, в частности, в том, что в начале XIX века Святейший Синод сообщал списки всех жителей, родившихся и умерших в Петербурге, только православного вероисповедания, тогда как для лиц других вероисповеданий эта статистика отсутствовала<sup>83</sup>.

**Эпоха правления Екатерины II (1762—1796).** В «Описании Петербурга» И.-Г. Георги приводит такие сведения о числе христианских храмов в городе на Неве: «В 1737 году было в столице 20 церквей православного греческого и 3 чужестранных исповеданий»<sup>84</sup>; «в 1770 году было в столице 30 православных российских церквей, 2 монастыря, и 7 иностранных церквей»<sup>85</sup>. А на 1790 год — время первого издания его книги на немецком языке — автор приводит новые данные: «Ныне имеется в городе вообще 56 церквей православного греческого исповедания, 1 мужской и 1 девичий монастырь; протестантских же есть 6 церквей и 5 соборных зал для богослужения, и, кроме сих, есть еще и одна католическая и армянская церковь»<sup>86</sup>.

Книга И.-Г. Георги пользовалась большой популярностью; в 1793 году она была переиздана в Риге на немецком языке и в том же году — в Петербурге на французском. А в 1794 году «Описание Санкт-Петербурга» было издано на русском языке. В своих записках немецкий автор повествует о веротерпимости россиян, и особенно — в Петербурге. «Во всем государстве царствует вообще самое распространенное веротерпение и общительность в рассуждении мнений о законе веры»<sup>87</sup>, — пишет он, отмечая при этом: — В Санкт-Петербурге же можно почтить неограниченное веротерпение, при великом числе весьма смешанных жителей, качеством изъясляющим свойство оных, ради большего просвещения и многообразности людей различных исповеданий и их взаимного друг с другом обхождения»<sup>88</sup>.

Подводя итог своим наблюдениям, немецкий автор свидетельствует: «Обхождение в Санкт-Петербурге вообще есть кроткое, учтивое и добросердечное»<sup>89</sup>. И еще один примечательный факт: именно в честь этого немецкого ученого, жившего в Петербурге, цветы, вывезенные в Россию из Мексики, были названы георгинами...

**Годы правления Павла I (1796—1801).** К концу XVIII — началу XIX века в Петербурге имелось много храмов, объединявших в приходы инославных жителей Петер-

<sup>82</sup> Записки Мессельера // Русский архив, 1874. Кн. 1. С. 1020.

<sup>83</sup> Северцев Г. Т. С.-Петербург в начале XIX века // Исторический вестник, 1903, май. С. 628.

<sup>84</sup> Георги И.-Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794. С. 22.

<sup>85</sup> Там же. С. 23.

<sup>86</sup> Там же. С. 29—30.

<sup>87</sup> Там же. С. 661.

<sup>88</sup> Там же.

<sup>89</sup> Там же. С. 662.

бурга; особенно это бросалось в глаза иностранцам, бывавшим на Невском проспекте. Как сообщал один из членов депутации Мальтийского ордена, прибывший ко двору по приглашению Павла I, в Петербурге, «благодаря некоторой веротерпимости, есть церкви армянские, католические, лютеранские и кальвинистские. Нельзя вести диспуты о религии в стране, где мало рассуждают, но нет совершенно ни нетерпимости, ни преследований, и это делает честь правительству»<sup>90</sup>.

Годы правления Павла I отличаются «разгулом веротерпимости», и в связи с этим особый интерес представляют записки пастора Виганда, члена секты гернгутеров<sup>91</sup>, пастора этой общины в Санкт-Петербурге. «В 1796 году скончалась внезапно императрица Екатерина II; в последние годы ее царствования, эта императрица, вследствие происхождения Потемкина, относилась к нашей общине далеко не так милостиво, как в первые годы, — пишет пастор Виганд. — Но наследник престола, Павел Петрович, прошедший тяжелую школу, вследствие притеснений со стороны любимцев, охотно читал назидательные сочинения, изданные Новиковым<sup>92</sup>, которые ему удалось получить от статс-секретаря Баженова, несмотря на массу следивших за ним шпионов; он уважал и нашу общину и, не взирая на перемены, совершившиеся в его характере, сохранил к ней расположение до самой кончины своей. Супруга его также благоволила к нам.

Вступив на престол, император Павел I приблизил к себе многих из знакомых мне мартинистов<sup>93</sup>, из коих назову лишь набожного и достойного уважения адмирала Плещеева, тайного советника Ивана Владимировича Лопухина и священника Михаила Десницкого, ныне (1808) архиепископа Черниговского, который был его любимым придворным священником; он был студентом во время службы моей при московском университете. Для того, чтобы воспользоваться этими благоприятными обстоятельствами к утверждению и расширению привилегий общины, в Петербург был прислан в 1797 г. из Сарепты брат Лорец, и ему, как известно, удалось выхлопотать для общины весьма важные привилегии»<sup>94</sup>.

**Эпоха правления Александра I (1801 — 1825).** В начале XIX века был даже проект, предложенный одним французом, — изменить название Невского проспекта на «Rue de tolérance», то есть проспект (Веро)терпимости, причем в качестве повода к подобному переименованию он указывал на построенные на Невском проспекте церкви: католическую, лютеранскую, реформатскую и армянскую<sup>95</sup>.

<sup>90</sup> Записка баварца о России времен императора Павла // Русская старина, 1899. Т. 99. С. 557.

<sup>91</sup> Гернгутеры (от назв. селения Гернгут в Саксонии, близ Дрездена), представители протестантского движения, исторически связанного с гуситами и моравскими братьями, появившегося в Германии в XVIII веке.

<sup>92</sup> Н. И. Новиков играл заметную роль в истории российского масонства. В 1775 году он примкнул к масонам и был посвящен в высокие масонские степени. Масонство оказало влияние на его религиозно-нравственное мировоззрение. Указом 1 августа 1792 года Екатерина II, убежденная, что Н. И. Новиков действительно является главой тайного масонского заговора в России, признала его виновным по всем пунктам и достойным смертной казни, которую заменила на 15 лет заключения в Шлиссельбургской крепости. Император Павел I в первый же день своего царствования освободил Новикова в надежде призвать его на государственную службу. Однако Новиков вышел из крепости разоренный и больной и вынужден был отказаться от всякой общественной деятельности.

<sup>93</sup> Мартинизм — направление мистического и эзотерического христианства, чья доктрина описывает падение первого человека из Божественного в материальное, а также способ его возвращения в Божественное с помощью реинтеграции, или духовного просветления, достигаемого при сердечной молитве. С 1909-го по 1916 год в Санкт-Петербурге существовало официальное издательство русских мартинистов — журнал «Изида».

<sup>94</sup> Пастор Виганд. Его жизнь и деятельность в России 1764—1808 гг. // Русская старина, 1892, № 6. С. 568.

<sup>95</sup> Северцев Г. Т. Указ. соч. С. 621.

«Так как Петербург населен людьми различных национальностей, составляющих несколько колоний, то нет ничего сложнее, чем нравы и обычаи его обитателей, — пишет Шарль Массон. — Неизвестно, в общем, какой тон, какая мода там господствует. Французский язык служит связующим звеном между разными народами, но там говорят и на многих других наречиях. Если собирается хоть сколько-нибудь многочисленное общество, то по очереди пользуются тремя языками — русским, французским и немецким. Но часто можно услышать, как в том же самом кругу греки, итальянцы, англичане, голландцы, азиаты говорят по-своему»<sup>96</sup>.

Визиты иностранцев в православные петербургские храмы были обычным явлением. «Я навестила здесь три из их церквей, и они почти такие же, как наши кирки; но есть и наша церковь, — писала горничная ирландки Кэтрин. — Мисс Вильмот знакома с одним католиком, и она прислала его прислать мне духовника для исповеди»<sup>97</sup>.

Возможно, в данном случае речь шла о костеле Св. Екатерины, что на Невском проспекте. В этом храме нашли упокоение два известных политических деятеля — скончавшийся в Петербурге последний польский король Станислав II Понятовский (1732—1798) и французский генерал Жан Виктор Моро (1761—1813), павший в битве при Дрездене. Посетивший в 1839 году этот костел маркиз де Кюстин отметил, что только благодаря широкой веротерпимости возможно было захоронение этих деятелей в столице православной России. «Рядом с телом изгнанного короля лежит изуродованное тело Моро, — сообщает маркиз. — Император Александр приказал перенести его сюда из Дрездена. Мысль соединить останки двух людей, столь достойных сожаления, чтобы слить в одну молитву воспоминание об их неудавшихся судьбах, кажется мне одной из самых благородных мыслей этого монарха, который, никогда не должно забывать этого, казался великим даже при въезде в Париж, откуда только что выехал Наполеон»<sup>98</sup>.

Описание похорон генерала Моро в Екатерининском костеле можно найти в воспоминаниях графини Р.-С. Эдлинг (урожденной Стурдзы). «Известна кончина генерала Моро, — пишет она. — Государь окружил его трогательными попечениями, семейство его осыпано благодеяниями, и смертные останки республиканского полководца отправлены в Петербург для торжественного погребения. Двор и город присутствовали на этих необыкновенных похоронах в католической церкви, убранной трауром и давшей последнее убежище изгнаннику. В торжестве участвовал весь дипломатический корпус, состоявший из старых врагов революции, и в довершение необычайности надгробная проповедь произнесена иезуитом, а русские солдаты снесли гроб в церковный подвал, где Моро предан земле возле последнего польского короля, представляющего собой другой пример изменчивости судеб»<sup>99</sup>.

Храм Св. Екатерины занимает важное место в истории православно-католических отношений. Достаточно упомянуть о том, что 26 марта 1793 года здесь была отслужена панихида по последнему французскому королю Людовику XVI, причем по этому случаю Гаврила Романович Державин написал стихи, напечатанные вскоре под названием «Ода на панихиду в католицкой церкви, бывшую в Санктпетербурге, по покойном короле французском Людовике XVI марта 16 дня 1793 года, сопровождаемую музыкой г. Сартия»<sup>100</sup>.

<sup>96</sup> Массон Ш. Секретные записки о России. М., 1996. С. 58.

<sup>97</sup> Письма из России в Ирландию 1805, 1806 и 1807 годов. Переписка девицы Вильмот с ее сестрой и друзьями во время полуторогодового пребывания в России // Русский архив, 1873. Кн. 2. С. 1839.

<sup>98</sup> Записки французского путешественника де Кюстина // Русская старина, 1892. Ч. 73. С. 161.

<sup>99</sup> Из записок графини Эдлинг, урожденной Стурдзы. С неизданной французской рукописи // Русский архив, 1887. Т. 1. С. 187.

<sup>100</sup> Без указания места и года издания. Текст на русском и французском языках. Панихида состоялась 26 марта 1793 года; в заглавии дата «16» переправлена чернилами на «26».

Нет ничего удивительного в том, что между русскими православными и католическими иерархами складывались добрые личные отношения. В дневнике Станислава Богуша Сестренцевича (1731—1826), митрополита всех римско-католических церквей в России, члена Российской академии, находим запись, относящуюся к его встрече с митрополитом Московским Платоном (Левшиным) в петербургском костеле Св. Екатерины. 27 сентября 1797 года митрополит Богуш Сестренцевич внес в свой дневник такую запись: «Я совершил таинство миропомазания. Митрополит Платон желал видеть этот обряд и был в церкви; я пригласил его в пресвитерий. После окончания службы он посетил меня на дому»<sup>101</sup>.

Здесь шла речь о митрополите Московском Платоне. Что касается его современника, митрополита Санкт-Петербургского Гавриила (Петрова), то он также принимал участие в подобных межхристианских встречах. 27 ноября 1797 года в Петербург прибыл граф Лоренцо де Литта, посол католического Мальтийского ордена. Митрополит Богуш Сестренцевич, присутствовавший 29 ноября на его торжественной аудиенции у Павла I, пишет: «Император принял его, стоя на троне. Митрополиты Гавриил, Евгений<sup>102</sup>, я и другие духовные особы занимали почетные места... Посланник произнес важно очень сильную речь. Он просил императора принять титул защитника религии Мальтийского ордена и крест знаменитого гроссмейстера ордена Ля Валетта, который хранился в сокровищнице ордена как драгоценная реликвия; затем он поднес императору мантию и этот крест»<sup>103</sup>.

Почетные иностранные гости иногда присутствовали при закладке и освящении православных храмов. В 1777 году в Петербурге находился шведский король-лютеранин Густав III, прибывший сюда 5 июня с частным визитом под именем графа Готландского. 6 июля он присутствовал на церемонии основания Чесменской церкви, заложенной в память блестящей победы русских войск над турецким флотом при Чесменской бухте в Эгейском море. Екатерина II распорядилась в честь этой победы построить церковь на 7-й версте по Царскосельской дороге — близ императорской дачи, задуманной как путевой дворец для кратковременных остановок во время переезда императорского двора из Петербурга в Царское Село.

«Русские непрерывно одерживали победы над турками, и в это время, 26 ноября 1769 г., императрица учредила военный орден св. Георгия, которым стали награждаться герои отечества за храбрость и заслуги перед ним, — пишет Генрих фон Реймерс. — Императорский увеселительный дворец, построенный в следующем году на шестой версте по царскосельской дороге, в готическом стиле под названием Кикерико (замечательный своим собранием портретов большей части европейских властителей в полный рост, правивших до 1775 г.) получил вскоре наименование Чесма, незабвенное для всякого патриота, ибо напоминает оно о сожжении турецкого флота в гавани того же названия»<sup>104</sup>. В то время это место носило финское название «Кекерекексино» (в переводе — «Лягушачье болото»). Шведский король сам положил камень в основание храма, освященного впоследствии в честь святого Иоанна Предтечи<sup>105</sup>.

<sup>101</sup> Дневник Сестренцевича, первого митрополита всех римско-католических церквей в России. Ч. 1. СПб., 1913. С. 68.

<sup>102</sup> Возможно, Евгений Булгарис (1713—1806), приглашенный в Россию по рекомендации Фридриха Великого ко двору Екатерины II. Скончался в сане архиепископа в 1806 году в Александро-Невской лавре.

<sup>103</sup> Дневник Сестренцевича... Ч. 1. С. 108.

<sup>104</sup> Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.; Ростов, 2007. С. 212.

<sup>105</sup> Грот Я. К. Екатерина II и Густав III // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1877. Т. 18, № 1. С. 22.

Эта церковь была выстроена по проекту Ю. М. Фельтена — российского архитектора немецкого происхождения; возведение храма было закончено в 1780 году — к 10-й годовщине победы, одержанной русским флотом при Чесме. В это время в Петербурге находился австрийский император Иосиф II; он прибыл в Россию по приглашению Екатерины II. Это был неофициальный визит, и монарх остановился в Петербурге под именем графа Фалькенштейна. По сообщению петербургской печати, освящение Чесменской церкви «происходило 24 июня 1780 года в присутствии бывшего тогда в Петербурге императора Иосифа II; в этот же день место было переименовано Чесмою»<sup>106</sup>.

А вот что писал по этому поводу шведский посланник в Петербурге Э.-М. Нолькен: «В прошедшую среду граф Ф. сопровождал Ее Величество в Киккерики на освящение церкви, которой основание положено было за три года перед тем графом Готландским вместе с императрицею и которая по этим двум обстоятельствам вечно будет достопамятна. Церковь была названа по имени Иоанна, празднуемого в этот день<sup>107</sup>. Рождество святого Иоанна Крестителя празднуется 24 июня (ст. ст.)»<sup>108</sup>.

Позднее при входе в церковь была помещена мраморная доска с надписью: «Сей храм сооружен во имя святого пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, в память победы над турецким флотом, одержанной при Чесме 1770 года в день его рождества. Заложен в 15-е лето царствования Екатерины II в присутствии короля шведского Густава III под именем графа Готландского, и освящен 1780 года июня 24 дня в присутствии его величества римского императора Иосифа II под именем графа Фалькенштейна»<sup>109</sup>.

Эту доску мог видеть последний польский король Станислав Август Понятовский, который незадолго до своей смерти был здесь в 1797 году. Один из членов его свиты записал в своем дневнике под 6 июля: «Король осматривал замок Чесму, находящийся в 7 верстах от Петербурга. Екатерина II основала в нем орден святого Георгия, и в одной из надписей сказано, что церковь сего замка заложена при шведском короле Густаве III, а кончена при императоре Иосифе II»<sup>110</sup>.

Эта церковь входила в ансамбль Чесменского дворца, также сооруженного Ю. М. Фельтеном в 1774—1777 годах. Чесменский дворец и церковь при нем представляют чуть ли не первый и, во всяком случае, наиболее значительный архитектурный ансамбль ложноготического стиля в окрестностях Петербурга. Не случайно именно этот дворец был выбран для заседания Думы — правления ордена святого Георгия, основанного в России в 1769 году. А позднее, в 1799 году, дворец был передан Капитулу (или Думе) ордена Иоанна Иерусалимского (Мальтийский орден), магистром которого стал Павел I, немало способствовавший тому, чтобы орден обосновался в России.

Свои монаршие обязанности он рассматривал как служение — Богу, России, народу, считая не только своим правом, но и долгом требовать от подданных безусловно-го исполнения всех исходивших от него повелений. Царь — Божий помазанник, он ответственен только перед Богом, перед царем же — все равны. Так Павел понимал истинное самодержавие, наказывая тех, кто не разделял его убеждений. Его вера в то, что власть монарха имеет глубокий религиозный смысл, была безусловна. Эту веру не пошатнули и революционные ветры Великой французской революции. Однако именно

<sup>106</sup> Там же. Примеч. 2. См. также С.-Петербургский вестник. Ч. V. С. 480.

<sup>107</sup> Рождество святого Иоанна Крестителя празднуется 24 июня (7 июля). Как раз в этот праздник и произошёл Чесменский бой (1770 год. — *Авт.*).

<sup>108</sup> 24 июня (6 июля) 1770 года Император Иосиф II в России (Донесения шведского посланника Нолькена) // Русская старина, 1883. Т. 40, № 10—12. С. 313.

<sup>109</sup> Коршунова М. Ф. Юрий Фельтен. Л., 1988. С. 70.

<sup>110</sup> Орывки из дневных записок последнего польского короля Станислава Августа Понятовского, писанных во время его пребывания в России с 2 марта 1797-го по 12 февраля 1798 года // Вестник Европы, июнь, № 11. С. 239—240.

революция заставила Павла задуматься о необходимости реконструкции религиозных опор русской монархии, обратила его взоры к Римско-католической церкви. «В его теократических представлениях, — пишут современные историки, — вероисповедные различия не имели существенного значения перед задачей обоснования божественного права на власть в ее настоящей форме. Павел I (как впоследствии и Александр I) прибегает к использованию не патриаршеской, а папистской формы объединения светской власти с духовной. Отступая от основ православия, Павел уже видел себя во главе не только Русской Церкви, но всех Церквей». В этой связи показательно, что Павел I вступил даже в переписку с папой Пием VII (1800—1823) о возможности объединения Церквей, в котором он сам был бы принципиально равен папе на российских просторах.

Стремление к унификации, проявленное императором при решении религиозных (и религиозно-политических) вопросов, находит себе подтверждение в истории принятия им должности гроссмейстера ордена св. Иоанна Иерусалимского (Мальтийского), что было закреплено интронизацией 29 ноября 1798 года. Интронизацию совершил представитель папы римского в Санкт-Петербурге Лоренцо Литта. Но Литта был ватиканским дипломатом, и права раздавать канонические признания не имел, а папского признания Павел так и не добился. Следовательно, легитимным гроссмейстером его назвать невозможно. Но важно отметить другое: католическая рыцарская община фактически была превращена в межконфессиональный союз. А после смерти Пия VI (1775—1799) в 1799 году кардинальская коллегия уверяла русского монарха в том, что покойный папа считал русского императора лучшим защитником Церкви, почему ему и следует взять в свои руки осиротевшую Церковь<sup>111</sup>.

Церковная политика императора Иосифа II была во многом схожа с той, которую проводила в России Екатерина II, осуществившая в 1764 году секуляризацию церковного землевладения. Вот что пишет о нем отечественный исследователь Я. К. Грот: «В отношении к Церкви он издал достопамятный закон о веротерпимости, которым предоставлял свободу богослужения и равные с католиками политические права последователям протестантских исповеданий и Греческой Церкви. Затем он уменьшил число монастырей на целую треть, упразднив около 700 монастырей и от 30 до 36 тысяч монашествующих. Сбереженные таким образом суммы он обратил на улучшение учебного дела, на учреждение новых приходов, училищ и благотворительных заведений... Далее он сократил разные внешние обряды, например, процессии; велел переводить Библию на народные языки и ввел в церквах пение немецких псалмов, ограничил влияние папы и сообщения духовенства с Римом и проч...»<sup>112</sup>

Вот еще несколько свидетельств иностранцев о веротерпимости, бытовавшей в Петербурге. В начале 1760-х годов известный немецкий историк Август Людвиг Шлёцер, трудившийся в 1761—1765 годах в Петербургской Академии наук над древнерусскими летописями, составил характерную зарисовку этого времени. «Общественное богослужение (в Петербурге. — *Авт.*) совершается теперь на 14 языках, — отмечал он в своих записках. — Постоянный наплыв пришельцев, большей частью немцев, из которых, может быть, половина пририта к берегам России несчастьями, приключениями и смелыми затеями. В то время впускали всех, кто только предъявлял вид о здоровье от самого незначительного городишки; никого не спрашивали: какого ты вероисповедания? Да едва ли спрашивали: какой ты нации? (только евреям и иезуитам запрещен был въезд указом Петра I); но впоследствии стали спрашивать: в чем ты нам можешь пригодиться?»<sup>113</sup>

<sup>111</sup> Фирсов Сергей. «Бедный Павел...» // НГ-Религии, 28.03.2001. С. 8.

<sup>112</sup> Грот Я. К. Указ. соч. С. 322.

<sup>113</sup> Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлёцера, им самим описанная (Пребывание и служба в России от 1761 до 1765 годов). Сборник отделения русского языка и словесности Академии

Такова была общая атмосфера, царившая в граде Петровом во второй половине XVIII века. Продолжая свой рассказ о Петербурге, Август Людвиг Шлёцер «переходит на личности»: «Вот идет немец, некогда кандидат на святую проповедническую должность, возвратившийся из Ост-Индии, где он, как можно заметить, в продолжение 7 лет пробивался в должности матроса; там стоит пожилой пастор из Пруссии, который предпринял путешествие сюда, чтобы уклониться от объявленной ему (неизвестно почему) отставки, и т. д.»<sup>114</sup>.

### **Из записок Генриетты Каролины Гессен-Дармштадтской (1773)**

Со времен Петра I переход лютеран в православие совершался без их вторичного крещения (перекрещивания), но только через таинство миропомазания. Интересные сведения об этом содержатся в записках Генриетты Каролины Гессен-Дармштадтской (1721—1774), матери принцессы Вильгельмины Гессен-Дармштадтской (1755—1776), в крещении Наталии Алексеевны, первой супруги великого князя Павла Петровича.

*Петергоф. 10 июля н. ст.* Императрица в тот момент, когда попросила мою дочь, сообщила, что необходимо, чтобы она приняла греческую веру. Я сказала государыне, что надеюсь, не придется отречься, как у католиков; она меня заверила, что моя дочь и я можем быть спокойны за этот вопрос и по поводу того, как она все это устроит, но что положение моей дочери, ее детей, которых она произведет на свет, требует, чтобы она была греческой веры. Я передала предложение императрицы моей дочери, посоветовала ей все обдумать и сделать то, что будет в ее силах, но чтобы не испытывать потом угрызений совести. Могу поклясться, что я ни единым словом не убеждала ее. Народ, сказала императрица, никогда не имел бы ни доверия, ни привязанности к ней, если бы она не приняла греческую веру. Архиепископ Платон наставляет ее; основой в ее наставлении служит изложение взглядов великого князя и реформированный катехизис, поскольку она не знает русского языка. Прежде еретиков предавали анафеме; императрица отменила это, и ныне за них молятся<sup>115</sup>.

Страхи по поводу смены веры дочери испытывал и супруг ландграфини Генриетты Каролины Людвиг IX (1719—1790) — ландграф Гессен-Дармштадтский (российский генерал-фельдмаршал с 1774 года). Но намекая на его неискренность, ландграфиня писала матери 27 ноября 1773 года: «Ландграф рассказывает всем, что он болен из-за того, что его дочь стала православной (греque); да простит меня Господь, но если бы его проекты удались, думаю, он позволил бы ей стать мусульманкой (turque)»<sup>116</sup>.

*Петергоф. 2 августа н. ст.* Об обручении объявят 26 или 27, обручения происходят публично и даже в часовне, и священник переменяет кольца. В этот момент императрица объявит будущую великую княгиню. Ей дадут титул Ее Императорского Высочества, и в церквях о ней станут молиться. Свадьба состоится спустя шесть недель<sup>117</sup>. <...> Причины, по которым она [дочь] должна принять греческую веру: все для гарантий своего нынешнего положения и ее потомства. Если великий князь умрет молодым, дети моей дочери попадут в иностранные руки, если императрица не позаботится заранее. Она не будет отречься, и во всех полученных ею наущениях вплоть до сегодняшнего дня не было ни одного слова против нашей веры<sup>118</sup>.

---

наук, 1875. Т. 13. С. 159.

<sup>114</sup> Там же. С. 160.

<sup>115</sup> Екатерининский Петербург глазами иностранцев. Незданные письма 1770-х годов. СПб., 2013. С. 157.

<sup>116</sup> Там же. Примеч.

<sup>117</sup> Там же. С. 173—174.

<sup>118</sup> Там же. С. 175—176.

*Царское Село. 12 августа н. ст.* Меня огорчает и глубоко беспокоит, что Вы все еще считаете, будто Мими может сохранить протестантскую веру; нет, моя дорогая мама, высоконазначенная такой империи должна исповедовать греческую веру. Ее наставление закончилось; замечание, которое высказал архиепископ, в частности, по поводу различий в нашем вероисповедании, Вас удовлетворит, моя дорогая мама. Он поблагодарил меня за образование, которое я дала моей дочери; он нашел его в хорошем христианском духе<sup>119</sup>.

*Петербург. 25 августа н. ст.* Церемониал совершен, только решение Синода может развести новообрученных. Завтра моя дочь получит имя Натальи. Принцесса Цербстская<sup>120</sup> содействовала на схожей церемонии, но я упростила императрицу извинить меня от этого. Завтра вечером мы отправляемся спать в летний дворец, где в пятницу состоится обручение.

*Петербург. 29 августа н. ст.* Позавчера был день обручения. Собрались к 11 часам. Императрица была в русском одеянии из золотой парчи, мантии, убранной горностаем, и с малой короной на голове; шесть камергеров несли шлейф ее мантии. Затем шли великий князь и моя дочь, после них все следовали друг за другом. Легко представить роскошь всех присутствовавших. Петербургский архиепископ сам подал обручальные кольца, затем забрал их и поднес императрице, которая переменяла их и с волнением вернула обратно; в момент обмена выстрелила пушка, затем еще раз во время исполнения *Te Deum* [Тебе, Бога хвалим]. Церемония закончилась, и богослужение совершено, как здесь бывает в дни праздников; все вернулись в свои апартаменты, а мы в апартаменты императрицы; затем обедали она и обрученные — в тронном зале, мои дочери и я — в другой комнате. На троне<sup>121</sup> был приготовлен фигурный стол на сто персон. Обрученные кушали с императрицей<sup>122</sup>.

*Петербург. 11 октября н. ст.* Бракосочетание прошло вчера с пышностью и великолепием. Я со своими дочерьми пришла к Ее Величеству в 11 часов, проследовали в часовню замка и оттуда прямым шествием в **Казанскую церковь**. Войска стояли справа и слева двумя *Mann Hoch* [высокими рядами]. Все балконы, все окна были заполнены нарядной публикой; за окно платили от 20 до 60 рублей; вначале проследовал отряд конной гвардии, затем маршалы и церемониймейстеры, каждый в своем экипаже; затем тайные советники по двое, после них члены совета, принцы Гольштейн и мой сын, камергеры и камер-юнкеры, шесть гвардейских унтер-офицеров пеших и на конях, карета императрицы на 8 персон, запряженная восемью лошадьми; она сидела в русском платье из алого атласа, полностью украшенном жемчугами, в императорской мантии с опушкой из горностаия и вышитыми орлами; напротив нее сидели великий князь и моя дочь, по сторонам шли 6 гайдуков, пажи держались снаружи кареты; князь Орлов<sup>123</sup> и граф Алексей следовали во главе конных гвардейцев, затем карета, в которой находились мои дочери со мной, Ридезель и Шраутенбах<sup>124</sup> следовали верхом у дворец, на карете два пажа, два гайдука у дворец и мой камер-паж верхом сразу за каретой. Гофмейстериня графиня Воронцова<sup>125</sup> следовала одна, статс-дамы, *fräules* [фрейлины] по двое, затем три моих дамы. Было 30 придворных карет, в каждую запряжено по 6 лошадей. Во время исполнения *Te Deum* силь-

<sup>119</sup> Там же. С. 183–184.

<sup>120</sup> Иоганна Елизавета — герцогиня Ангальт-Цербстская, мать императрицы Екатерины II.

<sup>121</sup> Тронном называлась платформа в одну и более ступеней, на которой устанавливалось тронное кресло монарха, наследника и других членов семьи. В большие государственные праздники на троне устанавливали обеденные столы для высочайших особ.

<sup>122</sup> Екатерининский Петербург... С. 198.

<sup>123</sup> Орлов Григорий Григорьевич (1734–1783) — военный и государственный деятель, генерал-фельд-цейхмейстер. Участник дворцового переворота 1762 года и фаворит Екатерины II.

<sup>124</sup> Шраутенбах Людвиг Карл Фейгер фон (1724–1783) — немецкий историк, в 1773 году входил в свиту ландграфини Гессен-Дармштадтской.

<sup>125</sup> Воронцова Анна Карловна (1722–1775) — урожденная Скавронская, двоюродная сестра императрицы Елизаветы Петровны, обер-гофмейстерина двора.

но салютовали. Из церкви вернулись тем же образом; площади, улицы были забиты народом<sup>126</sup>.

Тему веротерпимости затрагивает испанский поверенный в делах Мигель де Гальвес, живший в Петербурге в 1788–1790 годах. Его донесение в Мадрид от 24 марта (4 апреля) 1790 года носит интересное название: «Сообщение об Императорской общеобразовательной школе святого Петра в Петербурге для обучения молодежи обоого пола, всех сословий, национальностей и религиозных верований». В этом сообщении говорится «об организации здесь по инициативе правительства и при поддержке императрицы (Екатерины II. — *Авт.*) обучения молодежи всех сословий»<sup>127</sup>. Примечательно, что сам испанский дипломат оказался вовлеченным в это начинание; в том же донесении в Мадрид Мигель де Гальвес пишет: «Молодые люди русской, немецкой, французской и других национальностей, включая кастильцев, кормятся и спят в моем доме и помогают по мере возможности в текущей работе»<sup>128</sup>.

Еще один испанец — Луис дель Кастильо, живший в Санкт-Петербурге в 1788–1792 годах, отмечал религиозный «мультикультурализм» российской столицы: «В Петербурге насчитывается 76 церквей, из коих 64 русских, 4 немецких лютеранских, одна реформатская немецкая, одна реформатская французская, одна шведская, одна финляндская, одна — английская, одна голландская, одна римско-католическая и одна армянская, недавно освященная»<sup>129</sup>.

В «Записке баварца о России времен императора Павла» читаем: «Число церквей в Петербурге не очень велико, и там только один монастырь — св. Александра Невского; кроме того, благодаря некоторой веротерпимости, — церкви армянские, католические, лютеранская и кальвинистские. Нельзя вести диспуты о религиях в стране, где мало рассуждают, но нет совершенно ни нетерпимости, ни преследований, и это делает честь правительству»<sup>130</sup>.

В эпоху правления императора Александра I (1801–1825) иностранцы, жившие в Петербурге, по-прежнему ощущали атмосферу веротерпимости. Любопытны заметки о воспитании веротерпимости у будущего императора Александра Павловича, которые принадлежат одному из его наставников. Великий князь воспитывался на примере Франции, где «ныне (1791 год. — *Авт.*) позволено каждому иметь свободное отправление своей веры, переменять оную по произволу... одним словом, первенствующего закона нет, а каждая вера равную свободу имеет, и ни одна над другими не преимуществоет»<sup>131</sup>.

О благожелательном отношении русского императора к инославным христианам сообщает София Шуазель-Гуффье — фрейлина при дворе Александра I, жена французского дипломата. Будучи католичкой, графиня Шуазель-Гуффье отмечает такие подробности религиозного быта столицы, которые ускользнули от официальных историографов. Так, например, говоря о веротерпимости императора Александра I, она отмечает: «У доминиканских монахов сохранился молитвенник, который подавали всегда Александру I, когда государь приезжал к ним молиться в церковь в уединенные часы;

<sup>126</sup> Екатерининский Петербург глазами иностранцев. Неизданные письма 1770-х годов. СПб., 2013. С. 233–232.

<sup>127</sup> Донесение М. де Гальвеса де Флоридабланке от 24 марта (4 апреля) 1790 года // Россия и Испания. М., 1991. Т. 1. С. 385–386.

<sup>128</sup> Там же. С. 386.

<sup>129</sup> Кастильо Луис дель. Краткий хронологический компендиум истории и нынешнего состояния Российской империи // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 41.

<sup>130</sup> Записка баварца о России времен императора Павла // Русская старина, 1899, № 9. С. 558.

<sup>131</sup> Заметки одного из русских воспитателей императора Александра Павловича // Русский архив, 1866. С. 95.

в этом молитвеннике сохранились закладки, которыми отличались выбранные государем молитвы»<sup>132</sup>.

В то же время именно в эпоху правления Александра I из России были высланы члены «Общества Иисуса»; о причинах этого также упоминается в записках графини Шуазель-Гуффье: «Я поехала к обедне в Мальтийскую капеллу, где служили польские священники, — сообщает она, добавляя при этом: — Иезуиты были изгнаны императором Александром, уступившим нетерпимости русского духовенства»<sup>133</sup>.

Но за этим кратким замечанием скрывается сложный вопрос, который помогает глубже понять другой отрывок из воспоминаний графини Шуазель-Гуффье. По ее словам, «вскоре после своего возвращения в Петербург Государь принял решительную меру, вызвавшую в обществе сильное удивление: он изгнал орден иезуитов сначала из Петербурга, затем из Полоцка и наконец из всей империи и объявил, что все Государи были правы, изгнав из своих государств этот опасный, злокозненный орден. Быть может, было основание упрекать иезуитов в рвении, с которым они обращали в свою веру: это было опасно для местного вероисповедания. Своими проповедями они привлекали огромное число знатных лиц, и многие придворные дамы тайно от своих семейств перешли в иезуитство. Иезуиты покинули свои дома, бросили свои богатства, цветущие учреждения без малейшего ропота, считая постигший их указ как бы исходящим свыше и преклоняясь, по крайней мере по внешности, перед божественной десницей»<sup>134</sup>.

Как известно, еще Петр I, уступая настояниям окружавших его иностранцев, позволил иезуитам жить в Москве, но он же впоследствии приказал им оставить Россию. Настоянием императора Павла I папа римский официально восстановил орден иезуитов в России (1801). Император Александр I, столкнувшийся с активной миссионерской деятельностью иезуитов среди православных, указом 1820 года выслал их за пределы России. Но предпосылки к этому созрели гораздо раньше, и лишь благодаря веротерпимости императоров Павла I и Александра I они смогли пробыть в Петербурге такое долгое время.

Вот некоторые этапы их деятельности, способствовавшие удалению ордена из России. В записках швейцарского пастора Этьена Дюмона сообщается о том, что Генеральный настоятель ордена Габриэль Грубер «свободно входил к Павлу I, сумел доставить большой кредит (доверие. — *Авт.*) своему ордену и потерял его по неосторожности. Он попросил у императора разрешения вести пропаганду между русскими. От него сразу отвернулись, и он не был более принят... У иезуитов имеется бесплатная школа в Петербурге, где они преподают, между прочим, латинский язык»<sup>135</sup>.

Вот еще одно сообщение, на этот раз не протестантского, а католического автора. За год до начала удаления иезуитов из России<sup>136</sup>, в 1814 году, об их положении в российской столице писал граф Жозеф де Местр, посланник короля Сардинии в Петербурге. По его словам, «пребывание иезуитов в России — блестящее доказательство тому, как император умеет властвовать над собою: ведь ему внушили против них сильнейшее предубеждение; и его ежедневно окружали люди, смертельно их ненавидящие; а, тем не менее, иезуиты продолжают пребывать здесь»<sup>137</sup>.

<sup>132</sup> Воспоминания об императоре Александре I и императоре Николае I графини Шуазель-Гуффье. СПб., 1879. С. 231.

<sup>133</sup> Там же. С. 215.

<sup>134</sup> Шуазель-Гуффье С. Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе. М., 1912. С. 189.

<sup>135</sup> Дневник Этьена Дюмона об его приезде в Россию в 1803 году // Голос минувшего, 1913, февраль. С. 160–161.

<sup>136</sup> О начале изгнания иезуитов в 1815 году см.: Письма графа Жозефа де Местра из Петербурга в Сардинию // Русский архив, 1912, № 2. С. 186–190.

<sup>137</sup> Письма графа Жозефа де Местра... С. 163.

Следует отметить, что выдворение иезуитов из России не ухудшило положения подданных Российской империи, принадлежавших к Римско-католической церкви. Что касается протестантов, то к ним по-прежнему сохранялось традиционно благожелательное отношение, о чем можно прочесть в книге Генриха Шторха «Россия при Александре I», изданной на немецком языке в виде периодического издания (27 выпусков, СПб., 1803—1811). Будучи вице-президентом Санкт-Петербургской Академии наук, Генрих (Андрей Карлович) Шторх преподавал политическую экономию великому князю Николаю Павловичу.

«Дух религиозной терпимости, который отмечает русское правительство и русскую нацию, к их чести, уже многие столетия, — пишет Генрих Шторх, — находит себе все новую пищу при большом смешении религий в польских, немецких, а отчасти и в собственно русских провинциях». «Как известно, — продолжает немецкий автор, — лютеранские общества в Лифляндии и Эстляндии, с тех пор как они находятся под русским владычеством, всегда имели своих генерал-суперинтендентов. Теперь именной императорским указом должность генерал-суперинтендента основана и для Ингерманландии, и эта должность поручена бывшему пробсту и пастору при церкви святой Анны в Петербурге Ф. Фр. Рейнботу. Протестантское духовное лицо с такой властью, которое имеет свое местопребывание в резиденции православного императора и Святейшего Синода, есть прекрасный пример терпимости»<sup>138</sup>.

Описав торжественную церемонию возведения пастора Рейнбота в суперинтенденты, Шторх замечает: «Невероятное количество людей наполняло церковь; здесь присутствовали даже лица императорской фамилии, члены Сената, высшее греческое (то есть православное. — *Авт.*) духовенство, между которыми находились архимандриты Невского монастыря и духовник императора; католическое духовенство со своим архиепископом; священники армянской церкви; наконец, высшие гражданские и военные чиновники придавали собранию торжественный и блестящий вид, а вместе с тем и показывали прекрасный и благородный пример духа терпимости под мудрым и либеральным управлением Александра»<sup>139</sup>.

Многочисленные протестанты, жившие в Петербурге, ценили доброе отношение к ним российского правительства и при случае старались выразить свою признательность столичным властям. К 1800 году численность населения Петербурга составляла 250 тысяч человек. Среди иностранцев насчитывалось, в частности, 1800 англичан<sup>140</sup>. У англичан, живших в Петербурге, был свой приход, окормлявшийся англиканским пастором. Через четверть века численность англиканской общины в столице возросла еще более.

7 ноября 1824 года в российской столице началось сильное наводнение, и жители города терпели большие лишения. «В Петербурге английская колония оказалась весьма отзывчивой к этому бедствию, — сообщалось в русской прессе. — На другой же день, 8 ноября 1824 года, англичанин Веннинг (владевший домом в Галерной улице) собрал некоторую сумму, приобрел теплые белье и раздал его пострадавшим от наводнения. Веннинг и его сотрудники образовали общество, которое было названо „Dorcac Society“. В 1830 году, после выезда из России первых основателей этого общества, заведование его делами принял на себя англиканский пастор Килль, и общество было переименовано в „Общество для снабжения бедных одеждой“. Оно просуществовало до середи-

<sup>138</sup> Цит. по: Васильев А. Веротерпимость в законодательстве и жизни в царствование императора Александра I (1801—1825) // Наблюдатель, 1896, № 6. С. 47.

<sup>139</sup> Там же. С. 47—48.

<sup>140</sup> Беспятовых Ю. Н., Сухачев Н. Л. Петербургский быт в России XVIII века // Петербург и губерния. Л., 1989. С. 67. Примеч. 39.

ны 80-х годов (XIX века. — *Авт.*), причем в его деятельности всегда принимали участие представители английской колонии в Петербурге»<sup>141</sup>.

Петербург, самый европейский город России, после наполеоновских войн обогнал Москву по числу жителей и состязался с Веной и Берлином за звание третьего по величине города Европы. Больше восьмидесяти процентов его населения составляли русские, православные, но иноязычные жители и люди других вероисповеданий были заметны в нем больше, чем можно было предположить, исходя из их числа.

Помимо русских, многонациональное население Петербурга составляли немцы, финны, поляки, евреи, шведы, прибалты, голландцы, татары, кавказцы, англичане, а после революции 1789 года и наполеоновских войн также французы. «Из иностранных подданных там больше всего немцев. Всякое дело, связанное с предметами роскоши, одежда, украшения, да и повседневные товары — все в их руках. Французы составляют вторую по величине группу иностранцев, они служат поварами, парикмахерами, часовщиками и торгуют модными товарами»<sup>142</sup>, — отмечал в 1824 году англичанин Эдвард Даниель Кларк, ездивший в Петербург через Финляндию.

В 1825 году полномочным послом Великобритании при русском дворе был назначен сэр Эдвард Дисброо. В апреле того же года он прибыл в Петербург. В июле 1825 года в город на Неве прибыла и его супруга леди Дисброо. А 19 ноября того же года в Таганроге скончался российский император Александр I. Супруга английского посла, посетившая в эти дни англиканскую церковь в Петербурге, в своих записках сообщает, как была воспринята эта весть членами прихода: «Г. Лоо, английский священник, произнес в воскресенье прочувственную речь, в которой высказал самые горячие похвалы покойному монарху. Церковь была задрапирована черным, что производило самое скорбное впечатление», — пишет леди Дисброо, отмечая при этом, что «вдовствующая императрица очень довольна торжественным богослужением, отслуженным в английской церкви по случаю кончины императора. „Поблагодарите от меня добрых англичан“, — сказала она»<sup>143</sup>.

В 1826 году в Санкт-Петербург прибыло французское посольство по случаю коронации Николая I. В свите посла находился литератор Франсуа Ансело; в российской столице он обратил внимание на интернациональный характер города. «Я прибыл в Петербург несколько дней назад, — пишет он, — и сразу обратил свой взгляд на жителей этой искусственной столицы России, однако до сих пор видел только вельмож, дворцы и казармы. Говорят, русских надо искать не здесь. В самом деле, коренные жители как бы затеряны среди ливонцев, литовцев, эстонцев, финнов и прочих инородцев, населяющих эту колонию»<sup>144</sup>.

В своих записках Франсуа Ансело упоминает о веротерпимости жителей российской столицы. Если ранее он считал, что «русскому народу, находящемуся в плену самых темных суеверий и глупейших предрассудков, присуща не только преувеличенная набожность, толкающая его на последние крайности, но и ненависть к другим религиям», то вскоре он переменяет свои взгляды: «Оказалось, однако, что это совершенно не так: я не знаю другого народа, который был бы более терпим. Русский творит молитвы, коленопреклонения и крестные знамения в своих церквях, перед своими иконами, но без смущения входит в храм другой веры и держит себя там благочинно и почтитель-

<sup>141</sup> Г. Т. Человеколюбие петербургских англичан // Русский архив, 1901, № 3. С. 126.

<sup>142</sup> Цит. по: Хмяляйнен-Форслунд Пирье. Роман Елизаветы. История семьи Клодтов-Ярнефельтов. СПб., 2002. С. 85.

<sup>143</sup> Дисброо Э. Петербургская жизнь в 1825—1827 годах // Русская старина, 1904, январь—март. Т. 117. С. 201.

<sup>144</sup> Ансело Франсуа. Шесть месяцев в России. М., 2001. С. 39. Санкт-Петербург, 18 мая 1826 года.

но. Ни иудей, ни магометанин, ни протестант, ни католик не вызывают у него неприязни. Возможно, он испытывает к ним жалость, но не осуждает и никогда не преследует их. Итак, эти люди, которых мы именуем варварами, в некоторых отношениях могли бы послужить нам примером»<sup>145</sup>.

Сложнее обстояло дело с так называемыми «изуверскими сектами», к числу которых принадлежали скопцы. Вот что пишет об этом Франсуа Ансело: «Когда-то, читая историю готтентотов, мы не могли понять, как религиозный фанатизм может оказывать на людей настолько сильное влияние, чтобы они чудовищным образом увечили себя и видели в этом оскорблении природы способ восславить Бога? Мы сожалели о невежестве этих диких народов и уж конечно не могли представить себе, чтобы в наши дни в Европе христиане исповедовали подобные убеждения. Так вот, в России существует так называемая секта староверов. Члены этой секты, которых гораздо больше, чем позволяли бы думать те жестокие правила, которым они подчиняются, чают попасть в сонм святых, лишая себя мужского достоинства, и то, что один из отцов Церкви, Ориген, совершил когда-то из любви к знанию, эти люди совершают в надежде обрести небеса»<sup>146</sup>. Их идеи проникли даже в армию. Какое-то время назад несколько военачальников, не находя более в некоторых из своих солдат мужественного взгляда и крепости форм, неперменного украшения воина, приказали выяснить причину этой внезапной метаморфозы, и после строгого дознания в одном полку оказалось около трехсот этих несчастных. Можно себе представить, что правительство приняло строжайшие меры, чтобы остановить распространение вредного суеверия: если небу необходимы святые, то империя еще нуждается в народе»<sup>147</sup>.

Сектанты-скопцы впервые привлекли внимание властей в 1770 году. Ансело, вероятно, имел в виду получившую громкую огласку историю с обнаружением скопческой секты в 34-м егерском полку: в 1822 году штабс-капитан Б. П. Созонович и «до двадцати скопцов солдат» этого полка были сосланы в Соловки, где Созонович, однако, успешно продолжил агитацию и посвящение в скопчество среди арестантов и даже караульных солдат. В 1826 году власти были озабочены восстановлением порядка в Соловецком монастыре, где был заменен настоятель<sup>148</sup>. В начале 1826 года император Николай I высочайше утвердил положение Комитета министров, предписывавшее «подвергать всех скопцов одинакому наказанию, не смотря на то, сами ли они оскотились или оскотлены другими». Скопцы подлежали направлению на принудительные работы и отдаче в солдаты; большая часть уличенных в скопчестве ссылалась в Сибирь, а с 1830-х годов — в Закавказье.

Особое значение веротерпимость имела для армии. Поэтому будущих офицеров с детства приучали уважать религиозные воззрения друг друга. Эго отметил в своих записках полковник Ф.-Б. фон Гагерн, по распоряжению нидерландского короля назначенный в свиту принца Александра Оранского, сына королевы Анны (в девичестве великой княжны Анны Павловны), во время его путешествия в Россию в 1839 году. 29 (17) августа принц и его свита осмотрели петербургский Сиротский институт (Александровский кадетский корпус), который состоял под покровительством императрицы. «В нем находится около 120 мальчиков от 3-х до 10-ти лет 4-х вероисповеданий — православного, католического, лютеранского и магометанского, — сообщал

<sup>145</sup> Там же. С. 87.

<sup>146</sup> По преданию, Ориген (185–254) в молодости оскотил себя, чтобы избежать соблазна со стороны слушательниц катехизической школы в Александрии, где он преподавал.

<sup>147</sup> Там же. С. 86–87. Петербург, июнь 1826 года.

<sup>148</sup> См.: Материалы для истории хлыстовской и скопческой ересей, собранные П. И. Мельниковым. Отд. 1 // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1872. Кн. 1.

Гагерн. — Там все дети дворян: они обмундированы и уже в этом возрасте воспитываются по-военному и приучаются к командованию»<sup>149</sup>. Веротерпимость была свойственна и царствовавшей династии, как это уже отмечалось выше. «Никто, например, не смущается тем, что воспитатель Великого Князя — лютеранин»<sup>150</sup>, — писал в 1828 году Леопольд фон Герлах.

Карл Фаберже, знаменитый ювелир, был потомком семьи французских гугенотов, а Федор Логгинович Хейден, генерал-губернатор Финляндии, происходил из голландского рода. Даже изучением русского языка занимались не одни только русские ученые. Один из известнейших филологов XIX века Владимир Даль был датчанином по происхождению, а работавший в Хельсинкском университете Яков Грот — немцем.

Терпимое отношение православных петербуржцев затрагивало не только инославных христиан, но и иноверцев, о чем свидетельствовал Джеймс Эдвард Александер, прибывший в российскую столицу в 1829 году. «Неподалеку от нашей резиденции, в большом летнем доме, жили несколько знатных турок, взятых в плен во время последней кампании 1828 года, — вспоминал английский офицер. — Эти правоязычные, одетые в роскошные восточные костюмы, обычно сидели на втором этаже и, поручив себя судьбе, вдыхали дым своих чубуков. Иногда они без охраны, в сопровождении своих слуг, которые несли кальяны и табак, выходили на прогулку. Встречаясь с турками, я не мог не отметить поведения простых русских: они не собираются толпой, чтобы поглазеть на несчастных османцев, а бросив на них взгляд, идут своей дорогой»<sup>151</sup>.

Главная магистраль столицы издавна символизировала открытость петербургского общества к инославным общинам. Это отмечали многие гости, посещавшие город на Неве. Вот что пишет об этом Генрих фон Реймерс (1805): «В районе Невской перспективы, где находится греческая кафедральная церковь [Казанская], на небольшом пространстве расположены восемь церквей различных христианских вероисповеданий (русская, лютеранская — шведы и финны, католики, армяне и реформаты — немцы, французы и голландцы). Рассматривается также проект мечети для весьма многочисленных в Петербурге татар — национальности магометанского вероисповедания. По идее автора, она должна стоять в конце отходящего влево рукава Невской перспективы, и, таким образом, обзор в том месте, где Перспектива разделяется, справа падает на великолепный Невский монастырь, а слева — на магометанское святилище. Предложение называть Невскую перспективу скорее улицей веротерпимости, на мой взгляд, недурно, ибо она, несомненно, достойна носить это название с большим правом, нежели улица с этим названием в Париже»<sup>152</sup>.

О веротерпимости, бывовавшей в столице Российской империи, отметил в своих записках Теофиль Готье. «На Невском проспекте идеи религиозной терпимости прямо-таки претворены в жизнь, и самым либеральным образом. Буквально нет ни одного вероисповедания, какое не имело бы своей обители, своего храма на этой широкой улице. Налево, в том же направлении, в каком я шел до сих пор, — голландская церковь, лютеранский храм святого Петра, католическая церковь святой Екатерины, армянская церковь, не считая в прилегающих улицах финской часовни и храмов других сект Реформации. Направо — русский Казанский собор, другая православная церковь и часовня старинного культа староверов, или раскольников, — отмечал он в 1858 году. — Все эти божьи обители стоят в одном ряду с жилищами людей, за исключением Казанского собора, который прерывает общую линию изящным полукругом, напоминая вос-

<sup>149</sup> Россия и русский двор в 1839 году. Записки Гагерна // Русская старина, 1890, февраль. С. 334.

<sup>150</sup> Заметки фон Герлаха о пребывании в Петербурге // Русская старина, 1892, апрель. Т. 74. С. 53.

<sup>151</sup> Александер Джеймс. Россия глазами иностранца. М., 2008. С. 54.

<sup>152</sup> Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.; Ростов, 2007. С. 392.

хитительную колоннаду собора святого апостола Петра в Риме, выходит на обширную площадь. Фасады соборов лишь незначительно отступают назад из общей линии домов. Они, не таясь, предлагают себя вниманию и религиозному усердию прохожих; узнать их можно по особому, свойственному им архитектурному стилю. У каждой церкви есть дарованные царями большие участки богатой городской застройки, где дома или участки сдаются в аренду»<sup>153</sup>.

В 1905 году российский император Николай II издал «Манифест о веротерпимости», после чего старообрядцам были возвращены их храмы, а с инославных христиан сняты ограничения в миссионерской деятельности. Но и ранее в России бытовал известный принцип: «Строгость законов компенсируется необязательностью их исполнения». Об этом писал испанский священник и поэт Жасинт Вердагер, побывавший в Санкт-Петербурге в 1884 году: «Католическим священникам запрещено проповедовать за пределами своего храма, тот, кто обращает или пытается обратить схизматика в свою древнюю католическую веру, считается преступником и отправляется в Сибирь вместе с нигилистами. Таков закон, но католический священник проповедует, обращает и крестит всех подряд: местных жителей, иностранцев, штатских, военных, полицейских; и в этом самом городе каждый год на несколько сотен увеличивается многочисленная паства Господа. „Это огромный невозделанный виноградник“, — говорил мне отец Шумпп; ему и его товарищу-поляку приходится служить мессу, исповедовать, помогать умереть с миром; одним словом, они чуть ли не единственные сеятели святого зерна Евангелия на большей части этого царства, занимающего половину Европы»<sup>154</sup>.

...Завершая обзор межцерковных отношений в столице Российской империи, можно снова упомянуть о костеле Св. Екатерины, что на Невском проспекте. Ныне там снова проводятся богослужения: в феврале 1992 года мэрия приняла решение о возвращении верующим этого католического храма. А в конце мая 1992 года, когда в Петербурге гостил президент Польши Лех Валенса, здесь состоялась историческая церемония. Вот что сообщалось по этому поводу в местной прессе: «На ступенях костела святой Екатерины на Невском Леха Валенсу встретила Петербургская капелла „Лик“, исполнившая „Реквием на смерть Станислава Августа Понятовского“ — последнего польского короля, почти два века назад погребенного в этом католическом храме<sup>155</sup>. С тех пор произведение польского композитора Юзефа Козловского не исполнялось, партитура была утеряна, и ее только недавно обнаружили в Санкт-Петербурге. Польские гости стали первыми слушателями возрожденного произведения...»<sup>156</sup>

<sup>153</sup> Готье Т. Путешествие в Россию. М., 1988. С. 41.

<sup>154</sup> Вердагер Жасинт. Петербург (Из книги «Поездки и путешествия») // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 126.

<sup>155</sup> В 1938 году по предложению советского правительства прах Станислава Августа II был перезахоронен поляками в его бывшем поместье на территории нынешней Брестской области. — *Примеч. ред.*

<sup>156</sup> Смена, № 120, 26.05.1992.